

Григорий Александрович Лихоткин

СИЛЬВЕН МАРЕШАЛЬ

и «ЗАВЕЩАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II»

к истории одной литературной мистификации

Л.: издательство Ленинградского ордена Ленина

и ордена Трудового красного знамени

государственного университета имени А.А.Жданова. 1974.

96 с. 5 илл.

Оглавление

Глава I. Оставила ли Екатерина II завещание?

Глава II. Творческий путь Сильвена Марешала

и «Завещание Екатерины II Павлу I»

Глава III. Идеиная направленность «Истории России»

и значение «Добрых и последних советов Екатерины II Павлу I»

Глава IV. Судьба «Завещания» в России

Приложение I. ДОБРЫЕ и ПОСЛЕДНИЕ НАСТАВЛЕНИЯ

ЕКАТЕРИНЫ II ПАВЛУ I-му, НАЙДЕННЫЕ

МЕЖДУ БУМАГАМИ ИМПЕРАТРИЦЫ РОССИЙСКОЙ

ПОСЛЕ ЕЯ СМЕРТИ

Комментарии

Приложение II. Текст «Завещания...» на французском языке

Веб-публикация: *Vive Liberta* и Век Просвещения, 2011

Материалы о Сильвене Марешале и его сочинения:

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref3.htm#marech>

в том числе

«Страшный суд над королями»

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/smarch1.pdf>

Материалы о Екатерине II

http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#kat_ii

См. также

В.Далин. Александр I, Лагарп и французская революция

http://vive-liberta.narod.ru/journal/dalin_fe-84.pdf

Н.Лукин. Царизм и Французская буржуазная революция 1789 года:

по донесениям И.М.Симолина

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/luk_simolin.pdf

М.Штранге. Русское общество и Великая французская революция

<http://enlightment2005.narod.ru/science/schtrange.pdf>

ГЛАВА I

ОСТАВИЛА ЛИ ЕКАТЕРИНА II ЗАВЕЩАНИЕ?

Весьма своеобразное произведение — так называемое «Завещание Екатерины II Павлу I» — в силу многих обстоятельств никогда полностью на русском языке не публиковалось. Лишь в 60-е годы XIX века им, притом со специфической целью, занимался профессор Киевской духовной академии Ф. А. Терновский. Поэтому широкое исследование как самого произведения, так и истории его бытования на русской почве затруднительно и требует привлечения весьма значительного и разнообразного материала.

Прежде всего, поскольку сама форма произведения — «завещание» — связывает его с проблемами престолонаследия, целесообразно обрисовать, хотя бы в общих чертах, эволюцию способов передачи верховной власти в России.

В период феодальной раздробленности, т. е. до выделения и усиления Московского княжества (XIV—XV века) в Киевской Руси твердо установленной системы престолонаследия не существовало. «По общему праву, — писал в свое время известный русский правовед и историк А. Д. Градовский, — наследство русской земли принадлежало всему княжескому роду; каждый брат имел право на часть земли, на волость; старший, киевский стол, с великокняжеским достоинством переходил к старшему представителю рода, старшему брату».¹ Однако многочисленность претендентов на тот или иной «княжеский стол», каждый из которых находил аргументы для обоснования права своего «старшинства», приводила к страшной путанице, зачастую сами претенденты не могли толком разобраться в своих генеалогических древах и предпочитали добывать «стол» в ожесточенных военных схватках, руководствуясь ставшими нарицательными к тому времени словами великого кня-

¹ Градовский А. Начала русского государственного права, т. 1, изд. 2-е. Спб., 1892, с. 167.

зя киевского Изяслава Мстиславича: «Не голова к месту, а место к голове». Если же дело не доходило до вооруженных столкновений, то помимо перехода княжеств «от брата к брату» существовал обычай наследования по так называемой «нисходящей линии» — от отца к сыну. Известны были случаи еще одного способа передачи «стола» — по завещанию. Примером последнего рода может служить завещание киевского князя Всеволода Ольговича, датированное 1146 годом.

Татаро-монгольское иго, постепенное исчезновение явственно еще проглядывавших в киевский период родовых связей, усовершенствование орудий труда и переход к оседлому земледелию, приведшие к «оседанию» князей в различных областях Северо-Восточной Руси и служившие поводом для образования местных династий, — эти и ряд других обстоятельств привели к определенным изменениям в принципах престолонаследия. Все большее распространение получает форма передачи власти «по завещанию». Со времени правления Ивана Калиты удельные князья при распределении владений между детьми, как правило, усиливают власть старшего сына. Постепенно подобный порядок настолько входит в сознание феодальной верхушки, что мыслится данным извечно и обозначается особым термином — «представление». В условиях борьбы за освобождение от татаро-монгольского ига «представление» с ориентацией местных династий на великокняжеские права московских князей безусловно имело прогрессивное значение, так как способствовало консолидации сил русских княжеств. В правление Ивана III Васильевича принцип передачи «стола» по представлению утверждается весьма прочно. Так, после смерти старшего сына Иван III, следуя традиции, назначил своим преемником внука Дмитрия. Однако затем он переменил решение, завещав Московское княжество другому сыну — Василию. Чтобы не обострять внутривластную борьбу ему пришлось мотивировать свой поступок, порывающий с традиционным «представлением».

Годы смуты и предшествующее им время (1598—1613) дали системе русского престолонаследия новые прецеденты. Со смертью Федора Ивановича сходит с исторической арены род Рюриковичей. Бурный Земский собор 1598 года выдвигает в царя Бориса Годунова. Земский же собор «выбирает» на престол Российский сначала самозванца Григория Отрепьева (1605), затем Шуйского (1606), затем польского королевича Владислава (1610), пока, наконец, корона не переходит в 1613 году к династии Романовых.

Династия Романовых ничего нового до 1682 года в порядок престолонаследия не внесла — трон «по праву первородства» переходил от одного представителя этой династии к другому. Иными словами, действовала обычная феодальная преемственность, закрепленная в Западной Европе известной форму-

лой: «Король умер, да здравствует король!». Казалось, и по смерти Федора Алексеевича 27 апреля 1682 года должна была произойти обычная передача престола старшему сыну «в бозе почившего государя» Ивану Алексеевичу. Однако столкновение противоборствующих боярских партий — Милославских, породнившихся с царствующей фамилией благодаря первому браку Федора Алексеевича, и Нарышкиных, родственников умершего царя по второй жене, — привело к тому, что высшее духовенство и боярская дума, отступив от «законного» порядка, избрали наследником престола младшего из братьев — малолетнего Петра Алексеевича. Формальное провозглашение Петра наследником не положило, однако, конца борьбе Милославских и Нарышкиных, осложненной происками царевны Софьи. «Обойденные» Милославские обратили внимание на то, что в выборной грамоте не были указаны мотивы отступления от обычного правила. Этим объясняется появление «приговора» 26 мая 1682 года, в котором говорилось, что якобы Иван Алексеевич сам отказался от своих прав (этому Ивану Алексеевичу в то время было всего 12 лет), зато, мол, у Петра Алексеевича «здравствует мать его, благоверная государыня царица и великая княгиня Наталья Кирилловна».² Но и эта мера не дала должного эффекта, страсти не улеглись, и враждующим партиям пришлось пойти на неслыханный компромисс, в результате которого родилось своеобразное двоецарствие. Петр и Иван были провозглашены «царствующими государями» одновременно, фактической же правительницей России до 1689 года была царевна Софья. Номинальное двоецарствие восстановилось в 1689 году, когда Петру I удалось отстранить от государственных дел Софью. И только с 1696 года, со смертью Ивана Алексеевича, Петр сделался и *de jure* и *de facto* «единодержавным государем России».

Великому преобразователю России Петру I в числе прочих дел пришлось заниматься и вопросами престолонаследия. Как и во всем, Петр руководствовался здесь интересами укрепления государства, заботился о будущей целостности и мощи России. Для императора. «работника на троне» не были непреодолимым препятствием обычай и правила, если они не отвечали его требованиям целесообразности и полезности для отечества. Поэтому уже в 1714 году он издает указ, вносящий существенные коррективы в обычное майоратное право. Согласно этому указу, «недвижимые имущества переходили без раздела к одному сыну, но чтоб от воли родителей зависело назначить наследника и из младших сыновей, если они находили, что старший склонен к расточительности».³ Этим указом Петр стремился предотвратить дробление имений и содейство-

² Там же, с. 169

³ Русский архив, 1865, с. 573.

вать укреплению главной опоры абсолютизма, дворянства. С этого же указа начинается ряд мер Петра I, которые привели в конечном итоге к изменению порядка престолонаследия. Следующим шагом в этом направлении явилась петровская табель о рангах, обнародованная 24 января 1722 года. В ней торжественно провозглашалось, что «всякий солдат, дослужившийся до штаб-офицерского чина, делался дворянином, и ему нельзя было отказать в patente и гербе, и, наоборот, знатный боярин, опозоренный наказанием, полученным от руки палача, понижался в престолюдине».⁴ Таким образом, именно здесь получил воплощение знаменитый петровский принцип: человек красит не длинный ряд предков, а личные качества и преданность Родине. О том, насколько последователен был Петр I в заботе о благе России, достаточно красноречиво говорит тот факт, что им был казнен собственный сын — «законный наследник престола» Алексей, ставший орудием в руках лиц, которые стремились повернуть Россию вспять. К мерам, укрепляющим единовластие монарха, следует отнести и уничтожение Петром I патриаршества и подчинение церкви светской власти через коллегиальный орган синод (образован в 1721 году).

Уже эти меры свидетельствовали о том, как серьезно был озабочен Петр I избранием преемника, которому можно было бы безбоязненно вручить скипетр единодержавия. Указ от 5 февраля 1722 г. о праве «царствующего государя» назначать себе преемника, не руководствуясь «узами кровного родства», венчал усилия Петра I в этом направлении. Той же цели служила книга, составленная по воле императора его ближайшим сподвижником Феофаном Прокоповичем и названная «Правда воли монаршей». Включенная впоследствии в «Полный свод законов Российской империи», она обосновывала право монарха на ни чем не ограниченное избрание восприемника. Неожиданная смерть помешала Петру I назвать имя своего избранника. И «как только перестала чувствоваться железная рука преобразователя России, царский двор превратился в арену, где состязались представители соперничавших между собою группировок русского дворянства, разыгрывались сцены с участием мелких и крупных честолюбцев, равнявшихся к власти и в случае промаха расплачивавшихся изгнанием, а то и головою».⁵ Именно этот период имел в виду В. И. Ленин, заметивший, что тогда «перевороты были до смешного легки, пока речь шла о том, чтобы от одной кучки дворян или феодалов отнять власть и отдать другой».⁶ Причем роль первой скрипки в многочисленных дворцовых переворотах первой половины XVIII века стала играть гвардия — петровское детище, — появившаяся в русской армии в 1700 году. По воле гвардии

взошла на престол Российский Екатерина I, жена Петра I, бывшая лифляндская крестьянка Марта Скавронская; в результате «заговора между спальней и казармой» в 1730 году гвардейцы возвели на престол Анну Иоанновну, которая дала России в качестве «приданого» герцога Курляндского Э. Бирона; 25 ноября 1741 года трон с помощью гвардии завладела дочь Петра I Елизавета Петровна. Конечно, каждый из захватывавших престол отыскивал аргументы, подтверждавшие его права, ссылаясь то на традиции, то на «законность», то на «правила» и т. д. Так, избрание Екатерины I сенат, синод и генералитет мотивировали тем, что Петр I ее «удостоил в 1724 году коронованием и помазанием за ее услуги государству».⁷ Петру II престол достался по завещанию Екатерины I, вскрытому 5 мая 1727 года. Дочь Ивана Алексеевича Анна Иоанновна в 1730 году была «избрана» на престол верховным тайным советом. Она в свою очередь воспользовалась петровским манифестом о праве назначения престолонаследника и назначила таковым своего двоюродного внука Ивана Антоновича (сына Анны Леопольдовны и герцога Брауншвейг-Люнебургского), которому к моменту ее кончины было всего несколько месяцев от роду.

Лишь Елизавета Петровна попыталась было как-то упорядочить правила престолонаследия, решив вернуться к принципу «первородства». Именно эту цель преследовал ее манифест 1742 года, объявлявший наследником престола герцога Голштинского — Петра, сына Анны Петровны, «яко по крови ближайшего к императрице».⁸ Но император Петр III недолго восседал на Российском престоле. Очередной дворцовый переворот возвел в ранг русских императриц его супругу — бывшую принцессу Софию Августу Фредерику Ангальт-Цербтскую, 28 июня 1762 года ставшую «царствующей государыней Екатериной II Алексеевной». Присягая новой императрице, подданные клялись в верности и ее сыну, «великому князю Павлу Петровичу, *законному* (курсив мой. — Г. Л.) всероссийского престола наследнику».⁹

Таким был официальный порядок передачи трона в момент вступления на престол Екатерины II.

В первые годы царствования Екатерина II, естественно, сильно опасалась, что ее власти может быть положен конец, если она возбудит недовольство дворянства и широких кругов общественности. Обладавшая незаурядным умом, дальновидностью, достаточно широким образованием, а главное, острой наблюдательностью и практической сметкой, она постаралась с первых же шагов вызвать всеобщие симпатии как внутри страны, так и за ее пределами. Прекрасно понимая, что ее пра-

⁴ Там же, с. 573—574.

⁵ Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946, с. 105.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 443.

⁷ Градовский А. Указ. соч., с. 170.

⁸ Там же, с. 172.

⁹ ПСЗ. собр. 1-е, т. 16, № 11582, с. 3.

ва на престол Российский со всех точек зрения весьма и весьма сомнительны, Екатерина II (не в пример своему «представившемуся супругу», открыто выражавшему презрение к русским обычаям, ко всему русскому) спешит с официальным «помазанием и коронованием»; заигрывает с дворянством, подтверждая жалованную грамоту от 18 февраля 1762 года, согласно которой дворянство освобождалось от обязательной службы; подчеркнуто соблюдает обряды православной церкви; старается лучше овладеть русской речью (что до конца дней ей не слишком удается); наконец, широковещательно, под барабанный бой в наиболее людных местах, с амвонов всех церквей, через газету «Санкт-Петербургские ведомости», письменным оповещением западноевропейских просветителей и т. д., заявляет о предстоящем созыве депутатов от всех сословий (кроме крепостных) со всех концов России в специальную комиссию, целью которой будет выяснение нужд сословий, упорядочение и составление новых, «справедливых» законов.

Все эти меры в определенной степени дали желаемый эффект: Россия более или менее спокойно относилась к императрице, помня, однако, о подрастающем «законном наследнике» Павле Петровиче, который, став совершеннолетним, должен был «принять престол» от своей матери. Заметим кстати, что 20 сентября 1772 года — день, когда Павлу исполнилось 18 лет — при дворе никак не был отмечен, царевич и далее оставался человеком, во всем зависимым от своей могущественной матери.¹⁰ Будничная обстановка во дворце в день рождения Павла еще раз показывала его сторонникам (братьям Паниным, князю А. Б. Куракину и другим представителям «малого двора»), что императрица не намерена была уступать власть наследнику.

Не вдаваясь в подробности взаимоотношений Павла I и Екатерины II, следует отметить, что чем дальше, тем больше мать и сын испытывали взаимную неприязнь, не доверяли друг другу. Императрица постаралась окружить двор сына своими шпионами, доносившими ей о лицах, посещавших Павла, о разговорах, ведшихся в присутствии «наследника». Переписка Павла перлюстрировалась. Несмотря на неоднократные просьбы сына, мать не давала ему никаких ответственных поручений, не вводила в круг государственных дел.

Чем объясняется подобное отношение? Прежде всего Екатерина II опасалась, что Павел не простит ей расправы с Петром III. Кроме того, при ее необычайном честолюбии раставаться с престолом ей, естественно, не хотелось. Наконец ей крайне не нравились пруссофильские настроения «наследника».

Чтобы выяснить, что думала Екатерина II, обратимся к

¹⁰ Кобеко Дм. Цесаревич Павел Петрович (1754—1796) Историческое исследование Изд 3-е Спб., 1881, с. 71.

дневниковым заметкам кабинет-секретаря Александра Васильевича Храповицкого — человека чрезвычайно близкого ей. «19 августа 1787 года. Читал перед Ее Величеством предисловие Морского Устава, откуда для примера в наследии, хотели взять неудобство, от раздела Владимирова происшедшее... 20 августа. Читать мне изволила пассаж из „Правды воли монаршей“. Тут, или в манифесте Екатерины I сказано: что причиною несчастья царевича Алексея Петровича было ложное мнение, будто старшему сыну принадлежит престол.

25 августа. Спросили указы о наследниках, к престолу назначенных со времен Екатерины I и в изъяснении оказан род неудовольствия».¹¹

Из дневника Храповицкого видно, что Екатерину II весьма интересовал вопрос о престолонаследии. Она обращалась по этому поводу и к периоду Киевской Руси, и к петрозской реформе престолонаследия, и к периоду дворцовых переворотов первой половины XVIII века. Из слов Храповицкого явствует, кроме того, что уже в 1787 году, а возможно и ранее, Екатерину II посещали мысли об отстранении Павла от престола. Это видно также из ее переписки с Ф.-М. Гриммом и некоторых других документов. Так, в письме к Гримму от 1 сентября 1791 года она высказывает свои соображения по поводу французской революции, ее возможного влияния на Россию и отмечает, что это влияние скажется «не в мое время и, надеюсь, не во время господина Александра»,¹² отчетливо давая понять, что времени царствования Павла I в ее представлении и быть не может. Еще более откровенно выражено это намерение императрицы в другом письме Гримму (от 14 августа 1792 года): «Сперва мой Александр женится, а там, со временем, и будет коронован со всевозможными церемониями, торжествами и народными празднествами».¹³ По сведениям некоторых современников (Д. П. Рунича, А. С. Пищевича, Лагарпа — воспитателя Александра I), в 1794 году Екатерина II обращалась даже к ближайшим своим советникам, так называемому «Совету» с требованием санкции на устранение «сына своего Павла от престола, ссылаясь на его нрав и неспособность». И только возражение некоторых членов Совета, напомнивших императрице, что отечество привыкло «почитать наследником с давних лет ее сына»,¹⁴ не позволило императрице сделать решительный шаг.

¹¹ Там же, с. 327

¹² Шильдер Н. К. Император Павел Первый Историко-биографический очерк Спб., 1901, с. 25

¹³ Там же, с. 255

¹⁴ В состав Совета в этот период входили: граф К. Г. Разумовский, граф П. А. Румянцев-Задунайский, граф Н. Г. Чернышев, граф Н. И. Салтыков, граф И. А. Остерман, граф В. П. Мусин-Пушкин, граф А. Р. Воронцов, граф А. А. Безбородко, С. Ф. Стрелков, А. И. Самойлов и П. В. Завадовский (см.: Шильдер Указ соч., с. 255).

Известно, что Екатерина II отличалась большой настойчивостью в достижении задуманных ею дел. Раз решив сделать наследником внука Александра (а ей это было выгодно еще и потому, что, пока внук возмужает, пока наберется «государственной мудрости», пройдет очень и очень много времени), она уже не могла отказаться от этой мысли, предпринимая все новые и новые шаги в избранном направлении. Почти не вызывает сомнений, что в 1795 году она посвятила в свои планы и Александра. Об этом свидетельствуют, в частности, слова великого князя, записанные одним из его приближенных: «Если верно, что хотят посягнуть на права отца моего, — скажут с обычным своим фарисейством Александр, — то я сумею уклониться от такой несправедливости. Мы с женою спасемся в Америку, будем там свободны и счастливы, и про нас больше не услышат».¹⁵

К последнему году царствования Екатерины II ее намерение лишить Павла престола перестало быть лишь тайной двора. В далеком Богородицке Московской губернии совершенно не посвященный в закулисные дворцовые интриги крупный ученый-агроном того времени Андрей Тимофеевич Болотов, откликаясь на последовавшую 9 ноября 1796 года смерть императрицы, писал в своем дневнике: «Может быть, все сие случилось еще к лучшему, и что Провидение и Промысл Божеский восхотел оказать тем особливую ко всем россиянам милость, что устроил и расположил конец сей великой монархини точно сим, а не иным образом... Носившаяся до того молва, якобы не намерена она была оставить престол свой своему сыну, а в наследники по себе назначила своего внука, — подавало повод многим опасаться, чтоб чего-нибудь подобного при кончине государыни не воспоследовало».¹⁶

И все-таки оставила Екатерина II завещание или внезапная смерть помешала ей осуществить свое намерение? По распоряжению Павла I во время предсмертной агонии Екатерины II были составлены «реестры рукописям и книгам российским и иностранным, законам и разным спискам и табелям, также атласам, картам и прочим вещам находившимся в бодуаре, в кабинете и в зеркальной комнате блаженная памяти императрицы Екатерины Алексеевны». Сейчас они хранятся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Эрмитажн. фонд, № 589). Судя по этому документу, императрица либо не успела написать завещания, либо, если верить слухам, источником которых, по

всей вероятности, был граф А. А. Безбородко,¹⁷ оно было уничтожено. Но, может быть, сохранились хоть какие-нибудь собственноручные черновики, наброски, не попавшие в вышеуказанный реестр, коли императрица так много занималась проблемой престолонаследия?

До 1914 года поиски ученых в этом направлении были безрезультатны. И лишь в начале второго десятилетия XX века приват-доценту Петербургского университета В. А. Григорьеву среди бумаг императрицы, ранее многократно изучавшихся специалистами, удалось обнаружить документ, оказавшийся собственноручно писанным черновиком манифеста Екатерины II о престолонаследии.¹⁸ Правда, этот документ датируется не последними годами ее царствования. В. А. Григорьев относит его составление к периоду между 2 февраля 1784 года, когда были образованы упоминаемые в манифесте 42 губернии, и 1785 годом, поскольку между строк документа вписано рукой императрицы: «В сем 1785 г.».¹⁹ Для нас этот документ важен по нескольким соображениям.

Во-первых, из его содержания ясно, что к этому времени Екатерина II еще продолжала считать Павла своим наследником. Во-вторых, важно, что предполагаемый акт должен был законодательно закрепить не единичный случай перехода престола от одного монарха к другому, а увековечить принцип престолонаследия «по нисходящей линии, в мужском колене». И наконец, самое, пожалуй, главное. Как отмечает В. А. Григорьев, в документе «на первый план выдвинут принцип единства и неделимости империи».²⁰ В самом деле, в первом пункте вслед за указанием на административное деление Российской империи Екатерина II провозглашает единство губерний, уездов, волостей и т. д., подчеркивая: «Да пребудут соединены... навсегда под наименование всероссийской империи».²¹ Очевидно, эта мысль настолько важна для императрицы, что она вновь возвращается к ней в пункте 3, усиливая ее звучание: «...и узаконяем следующее да будет империи всероссии в вышеописанной ее величине и обширности быть и оставаться цело и неразделно...».²² Думается, совершенно прав В. А. Григорьев, утверждая, что «это манифест о единстве и неделимости России, а порядок престолонаследия, им устанавливаемый, только средство для поддержания и сохранения целости империи».²³

¹⁷ См.: Шильдер Н. К. Указ. соч., с. 282.

¹⁸ См.: Григорьев В. А. Проект манифеста Екатерины II о престолонаследии. — Журнал министерства народного просвещения, 1914, ч. 50, с. 121—125.

¹⁹ Там же, с. 122.

²⁰ Там же, с. 123.

²¹ Там же, с. 124.

²² Там же.

²³ Там же, с. 123.

¹⁵ *Memoires de la comtesse Edling*. Moskau, 1858, p. 35—36.

¹⁶ Болотов А. Т. Памятные протекших времен или краткие исторические заметки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах. М., 1875, с. 164.

Следует отметить также, что в документе предусмотрены и случаи возможного «отрешения» от наследования престола. Этих «случаев» Екатерина предусматривает три: «1. Принадлежность к иному вероисповеданию, кроме православного 2. Получение короны в иностранном государстве и 3. Брак с лицом инославного вероисповедания».²⁴

Анализ чернового «Проекта манифеста» Екатерины II, думается, позволяет прийти к определенным выводам, далеко выходящим за рамки данного документа. Можно предположить, что успей составить императрица окончательный текст «Завещания» или иной документ, связанный с законодательством о престолонаследии, в нем обязательно нашли бы отражение некоторые из положений, сформулированных в найденной В. А. Григорьевым рукописи. Таких положений, по нашему мнению, в подобном предполагаемом акте было бы по крайней мере два: 1) мысль о неделимости и целостности империи, которая так заботила Екатерину II, судя как по черновику, так и по дневниковым записям А. В. Храповицкого; 2) предусмотренные случаи возможного «отрешения от престола», чтобы положить конец проискам и интригам честолюбивых проходимцев. Последнее положение должна была подсказать ей природная практическая сметка, понимание отрицательной роли дворцовых переворотов, забота о благополучии трона.

«Проект манифеста» подводит нас непосредственно к цели — к изучению «Добрых и последних советов Екатерины II Павлу I».

²⁴ Там же.

ГЛАВА II

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ СИЛЬВЕНА МАРЕШАЛЯ И «ЗАВЕЩАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ II ПАВЛУ I»

В 1802 году известный парижский издатель и книгопродавец Ф. Буиссон выпустил, на французском языке небольшого, почти карманного формата книжку с многозначительным названием: «История России, сокращенная до изложения только важных фактов».¹ Вместо имени автора на титульном листе книги стояло латинское изречение *multa paucis*, т. е. «многое в немногих словах». Очевидно, книга анонимного автора имела успех у читателей, потому что через пять лет другой книгоиздатель А. Бертран, купивший у Буиссона его издательский фонд, без всяких изменений текста книги переиздал ее. Однако титульный лист нового издания имел существенное дополнение. Это дополнение гласило: «Написано автором „Путешествия Пифагора“ (Par l'auteur du voyage de Pythagore)».² И хотя шеститомное «Путешествие Пифагора», произведение, пропагандировавшее в условиях торжества контрреволюционной реакции идеи утопического коммунизма, вышло в 1799 году тоже анонимно,³ к моменту второго издания «Истории Рос-

¹ *Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants*. Londres—Paris, an X (1802). 390 p.

² *Histoire de la Russie, réduite aux seuls faits importants, par l'auteur du voyage de Pythagore*. Avec la carte générale de la Russie, gravée par Tardieu l'aîné (эта карта России в экземпляре ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина отсутствует). Paris, 1807, 390 p.

³ *Voyage de Pythagore en Égypte, dans la Chaldée, dans l'Inde, en Crète, à Sparte, en Sicilie, à Rome, à Carthage, à Marseille et dans les Gaules; suivis de ses lois politiques et morales*. Paris, 6 vol. В этом же 1799 году книга была издана и в Берлине, также анонимно, но уже не в шести, а в пяти томах. На русский язык «Путешествие Пифагора» стало переводиться начиная с 1804 г. Как указывается в книге «Очерки из истории движения декабристов» (М., 1954, с. 485—486) в 1804 году вышли в свет два первых тома «Путешествия Пифагора» в переводе на русский язык; в 1805 г. — том третий; в 1806 г. — четвертый; в 1807 г. — пятый и, наконец, в 1810 г. — том шестой. Это шеститомное издание представляет собой перевод первых пяти томов французского оригинала (204 главы). Ни в одном из томов этого издания не было обозначено имен ни автора, ни переводчиков.

сии», имя его автора несомненно было хорошо известно многим читателям. Этим автором был поэт и прозаик, драматург и публицист, общественный деятель периода французской революции 1789—1794 годов, друг Гракха Бабефа и активнейший участник «Заговора равных», один из крупнейших пред-

ние зловоиных ручейков улицы Сент-Дени, грязь Галя (центральный рынок Парижа.— Г. Л.), жалобное блеяние овец, которых забивали прямо под окнами дома», — так описывает современный исследователь жизни и творчества Маршала Морис Домманже⁴ первые жизненные впечатления будущего создателя «Манифеста равных» и «Поправки в интересах революции».

Сильвен рано проявил самостоятельность и вопреки воле отца, желавшего видеть сына коммерсантом, посвятил себя изучению права. Однако первые же столкновения с реальной действительностью разочаровывают молодого юриста. В «Послании к мадам де ля Вьевилль» (*Épître à M. de la Viéville*) Маршал, подытоживая свои наблюдения над современным правосудием, носившим феодальный характер, с горечью пишет: «...Фемида видит в своих заботах: /Ее министры испорчены, /Используют свою власть, /Чтобы преследовать добродетельных». С горячим пылом молодости Маршал заявляет о своем нежелании стать одним из «испорченных министров» богини правосудия: «Чем следовать их примеру, /Лучше умереть!...»⁵

Однако не менее усердно, чем законы Фемиды, «штудировал» юноша и «правила» музы Евтерпы, — покровительницы лирической поэзии. В двадцать лет Маршал создает несколько пасторальных произведений, в которых воспевает любовь, славит добродетель, восторженно описывает деревенскую жизнь и красоты девственной природы. Хотя эти первые пробы пера далеки от совершенства, хотя в них явственно улавливается подражание идиллиям швейцарского поэта С. Геспера (1730—1788), уже здесь можно было увидеть, что их автор обладает незаурядным поэтическим дарованием. Заметил это, очевидно, и книготорговец Гогери, издавший в начале 1770 года небольшой сборник «Пасторалей» Маршала.⁶

Дебют молодого поэта был удачен. О сборнике благосклон-

⁴ Dommanget M. Sylvain Maréchal. L'egalitaire. «L'homme sans Dieu». Sa vie, son oeuvre, Paris, 1950, p. 16. Монография французского ученого является итогом более чем сорокалетнего изучения жизни и творчества С. Маршала. Работа этого крупнейшего зарубежного историка насыщена богатейшим фактическим материалом, почерпнутым в архивах и библиотеках Франции, Бельгии, Голландии и Советского Союза, и, несмотря на отдельные ошибочные положения, отмеченные советскими специалистами, служит ценным источником сведений о жизни и творчестве С. Маршала.

⁵ Ср.: Mais Themis vit dans allarmes
Ses ministres sont corrompus
Et font servir ses propres armes
A persécuter les vertus
Il faudrait suivre leur exemple
Plutôt mourir!...
(Dommanget M. Op. cit., p. 18).

⁶ Les Bergeries. Paris, 1770.

ставителей французского утопического коммунизма Пьер-Сильвен Маршал, с биографией, социально-политическими и историческими взглядами и творчеством которого нам необходимо познакомиться обстоятельнее.

Пьер Маршал (второе имя, Сильвен, Маршал взял себе уже взрослым человеком, после литературного успеха своих «пастушеских» произведений, sylvain в переводе значит пастух) родился 15 августа 1750 года в Париже в семье мелкого винооторговца. «Ругань и крики торговцев селедками, журча-

но отозвалась критика, книга имела успех у читателей. Именно этому сборнику обязан Марешаль тем, что он отныне стал не только Пьером, но и Сильвеном Маршалем. Появление сборника неожиданном образом повлияло и на дальнейшую судьбу деюбюта. На его стихи обратил внимание библиотечарь колледжа Мазарини аббат Хук. Он предложил Марешалю место в этом колледже, одном из крупнейших книгохранилищ Франции того времени. Юноша с радостью согласился. Должность давала Марешалю весьма скромные средства для существования, зато позволила приобрести обширные и глубокие знания.

Жизнь Марешаля до 1788 года не богата внешними событиями. Почти все эти годы он был рядовым служащим библиотеки Мазарини; там же он и жил в своей скромной мансарде, посвящая время наукам и творчеству. И все же подобный образ жизни не превращает его в кабинетного ученого, далекого от бурных событий современности. Даже в первый период творчества, длившийся до конца 70-х годов, в его произведениях вторгается эпоха. Правда, как отмечает Д. Д. Обломиевский, «поэзия Марешаля носит в начале 70-х годов идиллический характер, она игнорирует жизненные противоречия, зло, уродство или вернее, допускает возможность их существования, только относя его за пределы ближайшего окружения».⁷ Однако даже лирические описания гор, долин и рек, даже увлечение С. Геснером (который, отметим кстати, был не только поэтом-идилликом, воспевавшим естественную природу, но и художником) свидетельствовали о чутком улавливании Марешалем веяний времени. По его собственному признанию, с момента поступления в библиотеку Мазарини «он не занимается ничем, кроме сравнения великой книги природы с лучшими книгами — творениями человеческого разума».⁸

Среди этих «лучших книг» были и художественные произведения «женевского мечтателя» Жан-Жака Руссо, которыми зачитывались современники Марешаля. Развивая доктрину «естественного человека», Руссо открыл читателю века Просвещения и красоту естественной, не тронутой цивилизацией природы. Сверяясь с описаниями «Савойского викария», его многочисленные почитатели бросились воссоздавать в натуре «дикий» природы, воспетые в философских романах Руссо. Если для феодальной аристократии, пресыщенной регулярными парками Версаля, Сен-Клу, Марли и Шантильи, это было данью модному поверию, то для третьего сословия «естественная природа» стала одной из форм социального протеста, символом нарождающегося нового строя.

То, что на начальном этапе творчества Марешаль созда-

⁷ Обломиевский Д. Литература французской революции 1789-1794 гг. М., 1964, с. 295.

⁸ Марешаль С. Книга, спасшаяся от потопа, 1784, с. VIII.

своего рода культ природы, симптоматично еще в одном плане — плане философском, мировоззренческом. В этом отношении Марешаль выступал прямым восприемником идей старшего поколения. Вспомним, что в средние века природа (nature), мыслилась как божественная субстанция, как одно из воплощений Всевышнего. Естественнонаучные открытия эпохи Возрождения посеяли первые семена сомнений в истолковании «божественности» природы. XVIII век выдвинул в центр философских дискуссий как понятие о природе вообще, так и само слово природа. Конечно, не один только Руссо уделял огромное внимание «естественной» природе. Вольтер и Гольбах, Даламбер и Дидро, руководившие изданием «книги века» — Энциклопедии, другие писатели и мыслители этого времени производили ревизию старых, религиозных представлений. Их усилия привели к тому, что природа стала представляться антиподом божественного провидения, якобы предопределяющего судьбы всего сущего на земле.⁹

Было бы преувеличением считать, что в ранней лирике Марешаля есть элемент осознанного социального протеста представителя третьего сословия. Как справедливо заметил Х. Н. Момджян, Марешаль в этот период «избегал социальных и политических вопросов, проявлял лояльность к существующим порядкам и даже не смог уберечь себя от соблазна посвятить свои стихотворения Марии Антуанетте».¹⁰ И все же симпатия, с которой Марешаль воспевал простых людей из народа, подчеркнутое прославление добродетели в условиях развращенности и аморальности аристократии, достаточно ясно показывала, к какому сословию тяготеет автор «Храма Гименея» (Le temple de L'Hymen, 1770), «Анакреонтических песен пастуха Сильвена» (Chansons anacréontiques du berger Sylvain, 1777) и «Библиотеки влюбленных» (Bibliothèque des amants, odes érotiques, 1777).

Таким образом, ранняя лирика Марешаля внешне такая «идиллическая», «избегающая» социальных и политических вопросов, «обнаруживающая» индифферентизм к религии, вовсе не так уж безразлична к кардинальным проблемам современности, ибо в ней — пусть в своеобразной форме — находят отражение новые представления о природе, ставятся вопросы о необходимости сочетать свободу любить с добродетелью, «пастухи» и «пастушки» поэта не выглядят куртуазно-жеманными аристократами. Вполне естественной представляется дальнейшая эволюция Марешаля, переходящего от «чтения книги природы», которая, конечно же, открывала постепенно ему дис-

⁹ См. об этом: Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971, с. 115—116; Ehrhard J. L'idée de nature en France dans la première moitié du XVIIIe siècle. Paris, 1963.

¹⁰ Момджян Х. Н. Предисловие. — В кн.: С. Марешаль. Избранные атеистические произведения. М., 1958, с. 8.

гармонию человеческого общества, к активной переоценке реального действительности. Становление поэта длилось несколько десятилетий.

Прелюдией нового периода в творчестве Марешаля является его прочувствованный стихотворный некролог в форме став сова на смерть автора «Общественного договора». Плаксивая «Гробнице Ж.-Ж. Руссо» (Le tombeau de J.-J. Rousseau. Paris 1779) смерть борца за правду и добродетель, друга угнетенного человечества, Марешаль решает идти по стопам великого женева. О серьезности и основательности этого намерения свидетельствует вышедшая в том же 1779 году новая работа Марешаля «Книга всех возрастов или современный Пибрак» (Le livre de tous les âges, ou le Pibrac moderne. Paris, 1779) пронизанная руссоистским духом по содержанию и весьма своеобразная и интересная по форме. Сначала несколько слов о последней.

Еще в древнейших восточных литературах получили широкое распространение короткие изречения, выражавшие в различной форме правила житейской мудрости или афористичные философские постулаты, получившие название гномов. Их можно было встретить у древних арабов, персов, евреев (например, в притчах Соломона); нашли они отражение и в «Новом Завете», скажем, в так называемой «Нагорной проповеди». Античные предания приписывали множество гномических изречений знаменитым философам и политическим деятелям VI века до н. э. — Солону, Питтаку, Фалесу и др. К этому времени относится и высоко ценившийся в древности, но дошедший до нас лишь в незначительных фрагментах сборник моральных сентенций Фокилида Милетского.¹¹ Из поэтов того времени наибольшую известность в этом жанре приобрел бесспорно соотечественник Марешаля и его прямой предшественник Гюи дю Фор де Пибрак (1529—1584), сборники гномических четверостиший которого, вышедшие в 1574 и 1584 годах под названием «Четверостишия, сочиненные в подражании Фокилиду, Эпихарму и другим греческим поэтам» (Quatrain composés à l'imitation de Phocilides, Epicharmes et autres poètes grecs) многократно переводились не только почти во все европейские языки, но даже на турецкий и персидский.

Особенностью дарования Марешаля, неоднократно отмеченной М. Домманже,¹² являлась способность не просто подражать тем или иным своим предшественникам, а буквально вживаться в их язык, стиль, манеру, имитировать их в своем творчестве. Эту особенность Марешаль блестяще проявляет в «Книге всех возрастов», оживляя для современников полу-

бытого к тому времени «кавалера Пибрака». Наряду с Пибраком в «Книгу всех возрастов» оказалась органически включенной еще одна имитация — имитация стиля аббата де ля Роша, одного из известных комментаторов Пибрака.

И четверостишия и прозаические сентенции Марешаль, как и его предшественник, адресовал людям всех возрастов. Что же касается содержания, то здесь Марешаль и Пибрак несопоставимы. Точки соприкосновения между ними можно найти лишь в том, что Марешаль подобно предшественнику, советует распутникам быть скромными, призывает людей к умеренности в удовольствиях, высказывается по поводу благоразумного использования всех периодов жизни человека (детства, юности, зрелости, старости). Но главное в произведении Марешаля не моральная тематика, а социально-политические идеи. В этом отношении Марешаль оставляет далеко позади себя не только моралиста Пибрака, но и многих своих современников. Вслед за просветителями он не только провозглашает здесь, что «король является первым подданным государства», что он обязан быть «рабом свода законов»,¹³ но по существу подходит к республиканским идеям, не употребляя, правда, слова «республика». Прибегая к иносказанию, Марешаль описывает некий народ, у которого трон занимает книга Законов, а «четыре многоопытных старца являются ее хранителями, но не истолкователями». Что же представляет собой эта книга Законов? Откуда взялись эти мудрые законы? «Этот мудрый сборник, составленный самими просвещенными людьми из народа, собирающимися для этого, с согласия народа заменяет ему короля»,¹⁴ — пишет он, явно переходя на позиции отрицания монархического абсолютизма. Обрушивается здесь Марешаль и на опору абсолютизма — аристократию, заявляя: «Не ищите достоинств в среде привилегированных. Они могут оказаться в этой среде лишь по недоразумению или случайности».¹⁵

Характерно, что в «Книге всех возрастов» — произведении, благополучно преодолевшем рогатки цензуры, — Марешаль лишь слегка и иносказательно затрагивает проблемы церкви и религии. Богу здесь посвящено только одно уклончивое четверостишие — единственное, не сопровождаемое никаким прозаическим комментарием. Что же касается веры, то поэт обходит ее молчанием: он публикует вместо отсутствующего в книге четверостишия его название, «О религии» и замечает, что «данный сюжет не допускает ни комментариев, ни анализа».¹⁶ Полному анализу с позиций крайне радикального атеизма Ма-

¹¹ См.: Тронский И. М. История античной литературы, изд. 3-е. М., 1951, с. 104, 79.

¹² Dommanget M. Op. cit., p. 22, 48, 52, 65, 98.

¹³ Le livre de tous les âges, p. 49.

¹⁴ Ibid., p. 48—49.

¹⁵ Ibid., p. 8.

¹⁶ Ibid., p. 199.

решать подвергает религию в книге «К вящей славе Добродетели. Фрагменты моральной поэмы о боге»,¹⁷ вышедшей анонимно (чтобы обезопасить автора от преследований) в 1780 году.

Само название книги показывало исключительное искусство автора мистифицировать и говорить иносказаниями. Казалось бы, латинский девиз «К вящей славе Добродетели» вполне невинен и благонамерен, поскольку предпослан, на первый взгляд, ничего крамольного не представляющему заглавию: «Фрагменты моральной поэмы о боге». Однако он противопоставлен здесь традиционно каноническому девизу «Ad maiorem Dei gloriam» («К вящей славе Бога»), обычно предваряющему богословские трактаты. Чтение книги не оставляло у читателя сомнений: религия, культ Бога — аморальны; единственно полезный и ценный культ — культ Добродетели. Таким образом, уже заглавие лапидарно передавало программу автора. Мистифицированы были и выходные данные книги: «Атеополис (Город безбожия. — Г. Л.). Первый год царствования Разума» (A Athéopolis. L'an premier du règne de la Raison). Это значило, что книга защищала и утверждала атеистическое отношение к жизни, обоснованное доводами разума.

Религия лжет, утверждал Марешаль, когда провозглашает, что мир создан богом. «Чтобы существовать, нужен ли мир, господин?», — спрашивал поэт и отвечал: «Ваза была глиной перед тем, как она попала к гончару. /Материя раньше была и формой, и творцом./ Если природа существует, то она существует сама собой: /Ее форма может измениться, но она вечна».¹⁸ Из этого материалистического понимания мира человечеству следует, по мнению Марешаля, сделать вывод, что не зачем в поисках правды и справедливости апеллировать к потусторонним сферам: «Зачем искать господина в Небесах, /У нас их слишком много на этой низменной земле».¹⁹

В «Фрагментах моральной поэмы о боге» получили дальнейшее развитие республиканские идеи Марешаля. Если в «Книге всех возрастов» он говорил о республиканском строе весьма обобщенно, умалчивая о способах социального переустройства, то в «Фрагментах» звучал уже призыв к ликвидации имущественного неравенства. Обращаясь к будущему, поэт предсказывал конец феодального абсолютизма: «Придет день, когда народы станут судить своих королей».²⁰ По утверждению М. Домманже, полиция сумела изъять часть экземпля-

¹⁷ М. Домманже доказал, что, хотя на титульном листе книги стояла дата 1781 год, на самом деле, она вышла из печати годом раньше (см.: Dommanget M. Op. cit., p. 75).

¹⁸ Ad maiorem gloriam Virtutis, p. 13.

¹⁹ Ibid., p. 45.

²⁰ Ibid., p. 63.

ров книги из обращения.²¹ Беспокойство властей по поводу появления «Фрагментов» красноречивей всего свидетельствовало о произведенном книгой эффекте.

Сокрушительная критика религии, дальнейшее развитие идей о переустройстве феодального общества продолжены в другой работе С. Марешаля, появившейся в 1784 году и названной им «Книга, спасшаяся от потопа, или вновь открытые псалмы». Здесь искусство мистификации, умение говорить иносказательно, неподражаемый дар имитации, присущие таланту Марешаля, проявились во всем блеске.

Любому верующему (да и неверующему) было известно, что по библейскому преданию сочинителем псалмов был царь древнего Израиля Давид. Но не только Давид, уточняет «издатель» «научного» предисловия к «вновь открытым Псалмам», но и Адам, Сет, Енох. «Новые» же, предлагаемые читателю псалмы, оказывается, были «приняты в ковчег вместе с их автором».²² Кто же их автор? Ответ на этот вопрос дает титульный лист книги: «Сочинил на первобытном языке С. Ар-Ламеш из патриархального семейства Ноя; перевел на французский язык П. Лашерам, гражданин Парижа». Причем, сохраняя полную серьезность, в предисловии, в подстрочном примечании, уточняется: «Не следует путать Ар-Ламеша с просто Ламешем, отцом Ноя и сыном Мафусаила, ни тем более с Ламешем — многоженцем. Ар-Ламеш, автор этих псалмов, жил задолго до них».²³ Между тем и Ar-Lamech и La-Cheram — это просто анаграммы фамилии Марешаля, что становится совсем ясно после знакомства с предпосланной «Псалмам» «Исторической справкой об авторе псалмов», в которой излагается биография Марешаля.

Остроумно, не впадая ни в шаржирование, ни в гротеск, сохраняя пафос религиозного текста, его стиль, разбивку на стихи, излагает Марешаль отнюдь не религиозные догматы. Характерно, что мастерство писателя ввело в заблуждение цензора книги аббата Руа, разрешившего ее публикацию. Он даже считал, что сочинение «способно вернуть к религии тех, кто от нее отошел».²⁴ Но то, что не уловил аббат Руа, прекрасно поняли читатели Марешаля, в частности, руководитель библиотеки Мазарини. Они увидели, что произведение направлено «против повелителей, для которых религия — только средство политики» (Псалом VIII), против богатых, так как «сердце богатого подобно камню, в котором слово бога Добра не может укорениться» (Псалом III, ст. 4), против религии, поскольку «Честные атеисты лучше, чем безнравственные верую-

²¹ Dommanget M. Op. cit., p. 93.

²² Марешаль С. Избранные атеистические произведения. М., 1958, с. 69.

²³ Там же.

²⁴ Там же, с. 68.

щие» (Псалом VI) и т. д. Руководство библиотеки Мазарини поняло, что под «картинами минувших времен» (Псалом XXXI) скрывается описание нового общества, в котором нет места духовенству и аристократии, нет притеснения человека человеком и социального неравенства. Не желая давать объяснений руководству библиотеки, Марешаль вынужден был расстаться со службой.

Познав нужду и лишения, Марешаль не сломился, не отказался от своих идеалов. Об этом свидетельствуют, в частности, полные гордого мужества слова из «Картин вымыслов» (1785): «У меня нет никаких способностей, которые нужны для того, чтобы находиться среди Богатых и Великих земли». Обращаясь к Фортуне, богине счастья, случая и удачи, Марешаль заявлял: «Золото и власть, если ты ими со мной поделишься, я обращаю против тебя; я использую их для того, чтобы установить вокруг меня равенство условий и общность имущества» (*La commune des biens*).²⁵ Таким образом, уже к 1785 году Марешаль сформировался как один из радикальнейших мыслителей своего времени, ибо он высказывается против института собственности, на что при всем их критическом отношении к этой святыне государства социального неравенства не отваживались покушаться ни Руссо, ни Мабли, ни Гольбах, не говоря уж о Монтескье, Вольтере и других мыслителях века Просвещения, чьи идеи подготавливали французскую буржуазную революцию 1789—1794 годов и чьи труды были внимательно изучены Марешалем. Забегая вперед, стоит сказать, что Марешаль в этом отношении был более радикален, чем якобинцы 1793 года.

Итак, в предреволюционные годы основные контуры идеи о необходимости социального, политического, этического переустройства общества в творчестве Марешаля вырисовывались. С чего же начать это переустройство? С того, чтобы заменить ложные истины, мнимые авторитеты на истины, свободные от предвзятости. Что для этого нужно? Начать все сначала. Как начинать? На этот вопрос давал ответ вышедший в начале 1788 года календарь, составленный Марешалем на новых, неслыханных принципах. Назвал его автор, как всегда, без притязаний на внешний эффект: «Альманах честных людей» (*Almanach des honnêtes gens*). Значение марешалевского «Альманаха» лучше всего показал его яростный противник королевский прокурор Л.-А. Сегюр, обрушившийся на произведение на заседании Парламента с гневными филиппиками: «В „Альманахе честных людей“ встречаются имена сектантов материализма, современных философов-безбожников. Больше того, в этой книге издеваются над людьми действительно благородными, помещая их рядом с людьми, достойными презрения

²⁵ Dommanget M. Op. cit., 112.

Недопустимо, например, помещать Магомета рядом с Гоббсом и Спинозой. Цицерона уравнивать со Спартаком. Каковы же воззрения автора книги, который... полагает, будто нужно знать имена не только тех, кто действительно достоин славы, но и тех, кто принес человечеству бесчестье и несчастье? Автор датирует свою книгу первым годом царства разума, — в чем же состоит свет разума, который он желает возжечь перед нашими глазами? Свет этот состоит в том, чтобы уничтожить наш старый календарь, устранить или опорочить имена тех, кто отличался своей святостью и добродетелью, и поставить на их место язычников, атеистов, комедиантов, куртизанок — отъявленных врагов нашей святой церкви. Этим автор стремится разрушить все институты религии. Он додумывается до того, что помещает Иисуса Христа среди этой нечестивой компании. Образы нашей церкви он считает результатом невежества... и предлагает заменить наши святые праздники идолопоклонством в честь любви и Гименея. Эта безумная, нечестивая, атеистическая книга вызовет опасные последствия. Поэтому она должна быть предана огню... а ее автор взят под стражу и посажен в тюрьму».²⁶ Надо ли уточнять, что власти точно последовали указанию Л.-А. Сегюра. Книга была сожжена, автор оказался за решеткой тюрьмы Сен-Лазар. Не ошибся королевский прокурор и в предсказании «опасных последствий». Действительно, «Альманах» имел колоссальный успех у читателей, а в период революции послужил прообразом республиканского календаря, разработанного в 1793 году специальной календарной комиссией под руководством Жильбера Ромма.²⁷ Освобожденный из тюрьмы благодаря хлопотам своего зятя Ж.-Б. Депре, Марешаль остался верен своим убеждениям, но внес поправку в принципы их пропаганды; впредь он решил публиковать свои радикальные сочинения только анонимно.

Финансовый крах обветшавшего феодального государства, бурное брожение в стране заставили правительство Людовика XVI прибегнуть к чрезвычайной мере — к созыву Генеральных штатов, призванных, по мысли министра финансов Неккера, предотвратить надвигающуюся революционную бурю, отыскав возможности пополнения пустой государственной казны. На это решение Марешаль откликнулся созданием яркой пропагандистской брошюры «Первые уроки предполагаемого депутата будущих Генеральных штатов старшему сыну короля» (*Premières leçons du fils aîné d'un roi par un Député presomptif aux futurs Etats généraux*. Bruxelles, 1789). В ней под видом со-

²⁶ Цит. по кн.: Кучеренко Г. С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке. М., 1968, с. 151—152.

²⁷ Подробнее об этом см.: Селешников С. М. История календаря и хронология. М., 1970, с. 82—92.

зетов наследнику престола дана резкая критика феодального общества, подобного, по мнению Марешаля, рынку рабов, в котором три четверти нации являются рабами, вынужденными продавать себя ничтожной кучке хозяев. Подхватив мысль Жана Мелье, Марешаль призывал народ не отдавать знатым плоды своего труда,²⁸ т. е. по существу звал народ к восстанию.

Революцию как давно ожидаемое и предсказанное им событие Марешаль встречает восторженно. Во-первых потому, что, наконец, рухнул страстно ненавидимый Марешалем строй. Во-вторых, потому, что она помогла ему вернуться в библиотеку Мазарини. Конечно, один из немногих в то время республиканцев и последовательных атеистов, Марешаль по-своему воспринял революционные события и дал им оценку исходя из своих твердо сложившихся убеждений.

Падение Бастилии — убежден он — только начало великих преобразований, все еще впереди. Ведь сохраняется королевская власть, народ по-прежнему темн и невежествен, крепки еще пути религии, как и прежде сильные угнетают слабых и беззащитных. За воцарение справедливости нужно бороться. И Марешаль активно включается в борьбу, отдавая свой талант мыслителя и публициста, поэта и прозаика на службу революции. Он пишет революционные песни и политические стихотворения; издает с начала 1790 года газету «Бочка Диогена или революция и духовенство» (*Tonneau de Diogene ou les révolutions de clergé*), которая из-за резких нападок на духовенство и религию вскоре была закрыта. Сотрудничает Марешаль в это время и в одном из влиятельнейших органов печати — газете Ж. Прюдона «Парижские революции». В октябре 1790 года он становится главным редактором газеты вместо скончавшегося Ж. Лустало, и с этого времени «гражданин Сильвен», а не колеблющийся, не выходящий за рамки консервативных взглядов издатель Прюдом, выражает основную политическую линию «Парижских революций». В чем заключалась эта линия?

Исходя из своих общественных идеалов, Марешаль обрушивался со страниц газеты на Национальное собрание, требуя от него защиты интересов народа. Обвиняя депутатов собрания в нерешительности, он заявлял: «Вы постановляете отмену дворянства, но Вы сохраняете соответственное состояние бедных и богатых, господ и их слуг!».²⁹ Убедившись в том, что бесконечные словопрения депутатов не ведут к углублению революции, что крупная буржуазия вполне удовлетворена достиг-

нутым, Марешаль присоединяется к мнению «друга народа» Ж.-П. Марата и левых якобинцев о необходимости нового переворота: «Свобода ускользнет от нас, если мы ее не закрепим. Нужно сдерживать уже не духовенство и роялистов»³⁰ Это последовательное отстаивание интересов народа, это разоблачение политики утверждающейся у власти буржуазии и является основной политической линией, проводившейся Марешалем на страницах «Парижских революций». Руководимая им газета упрекала Конвент в нерешительности, пасгаявая на казни Людовика XVI и Марии-Антуанетты.³¹ «Парижские революции» стояли за проведение радикальных аграрных реформ, которые дали бы в руки крестьян землю.³² Газета проповедовала идею просвещения народа и с восторгом встречала каждое проявление революционной активности социальных низов, получивших в период революции название санкюлотов.

Пристальное внимание к событиям дня и своевременная их оценка — важный, но не единственный аспект деятельности Марешаля в период поступательного движения революции. Мысленно он забегает вперед, мечтает о грядущей победе народа не только во Франции, но и во всей Европе, так как понимает, что революционные события на его родине имеют общеевропейский резонанс. Стремясь донести до масс свое видение будущего, Марешаль обращается к наиболее действенному средству пропаганды своего времени, к революционной драматургии. Так, в период якобинской диктатуры он создает романтически приподнятую пьесу «Празднество Разума» (*La Fête de la Raison. An. II*) действующие лица которой — деревенские жители, готовящиеся к празднику Разума. Герои пьесы сжигают предметы религиозного культа, приветствуют отречение священника от сана, «храм божий» превращают в храм Разума. Антирелигиозный характер пьесы привел к тому, что якобинская цензура запретила включать ее в репертуар театров.³³ Другая пьеса Марешаля этого периода «Страшный суд над королями» (*Le dernier jugement des rois, 1793*) рисует торжество санкюлотов всей Европы. Свергнутые правители государств (в том числе и папа римский), отправленные по воле победивших народов на необитаемый остров, изображены в пьесе мелкими, ничтожными людьми. Пьеса интересна тем, что в ней впервые в творчестве Марешаля появляется Екатерина II, показанная автором распутной драчуньей, подстрекат-

³⁰ *Revolutions de Paris*, 1791, n° 82.

³¹ *Ibid.*, n° 170.

³² *Ibid.*, n° 82, 170, 171.

³³ См.: Державин К. Театр французской революции, 1789—1799. М., 1932, с. 223. Попутно заметим, что организованное по инициативе М. Робеспьера 10 ноября 1793 года торжество в честь Разума не имело антирелигиозной направленности. Оно происходило в соборе Парижской богородицы, в нем принимали участие представители духовенства. — Там же, с. 286—287.

²⁸ *Premières leçons du fils aîné d'un roi par un Député presomptif aux futurs Etats généraux*. Bruxelles, 1789, p. 47. О влиянии Ж. Мелье на Марешаля см.: Кучеренко Г. С. Судьба «Завещания» Жана Мелье в XVIII веке М., 1968, с. 153—159, 174, 178, 181—183, 186, 188—190, 192—193.

²⁹ *Dommanget M.* Op. cit., p. 187.

тельницей потасовки бывших правителей Европы из-за куска черствого хлеба.³⁴ Пьеса Марешаля пользовалась колоссальным успехом у революционного зрителя. Первое ее представление состоялось на следующий день после казни Марии-Антуанетты — 17 октября 1793 года в парижском театре Республики. Папу римского и Екатерину II играли лучшие комические актеры театра Дюгазон и Мишо. В театральном сезоне 1793—1794 годов пьеса ставилась не только на парижской сцене, но и в Руане, Гренобле, Лилле и других городах Франции.³⁵

Итак, Марешаль страстно мечтает о счастливом, преобразенном обществе будущего. Каким же виделось ему это будущее, ему, обогатенному наблюдением хода революционных событий? Обстоятельный ответ на этот вопрос Марешаль дал в своем теоретическом трактате «Поправка в интересах революции», выпущенном анонимно весной 1793 года издательством «Социального кружка» (Correctiv à la Révolution. Paris. Chez les Directeurs de l'imprimerie du Cercle Social, rue du Théâtre-français, 1793, l'an II de République). Поскольку в 1966 году советский исследователь А. Р. Иоаннисян в книге «Коммунистические идеи в годы Великой французской революции» сделал великолепный разбор этого произведения Марешаля, я позволю себе воспользоваться им, рассказывая об идейном содержании «Поправки».

В «Поправке» Марешаль подвергает самой резкой критике не только прежние, монархические, но и новые, республиканские, порядки.³⁶ Он заявляет, что напрасно меняли форму правления, что все формы правления, монархическая, республиканская и смешанная не вытекают из естественного права,

³⁴ Исследовательница творчества Марешаля Т. Рихтер (ГДР) провела интересное исследование-сопоставление пьесы Марешаля и «Мистерии-буфф» В. В. Маяковского. В их пафосе, манере, стиле она нашла много общего (см.: Theater der Revolution. Maréchal. Das jüngste Gericht der Könige Majakowski. Mysterium buffo. Herausgegeben und mit Vorwort versehen von Dr. Trude Richter. Berlin, 1963. 219 S.). Т. Рихтер считает обе пьесы «эпическими произведениями в истории реализма». В рецензии на это исследование С. Тураев отметил ошибочность этого положения Т. Рихтер, подчеркнув, что в пьесе Марешаля «выражена революционная романтическая мечта», а у Маяковского в «Мистерии-буфф» «много условности и символически» (Тураев в С. Интересная историко-литературная параллель. — «Вопросы литературы», 1964, № 5, с. 229—230). Справедливости ради стоит отметить, что на сходство этих произведений Марешаля и Маяковского первым обратил внимание советский исследователь К. Н. Державин в статье «Политфарс Сильвена Марешаля „Страшный суд над королями“», опубликованной в 1934 году в сборнике Театральное наследство (там же дан перевод пьесы на русский язык).

³⁵ Подробнее см.: Марешаль С. Избр. атеистические произв. М., 1958, с. 420—421 (здесь же помещен современный перевод пьесы, выполненный С. И. Великовским, с. 159—176).

³⁶ Иоаннисян А. Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966, с. 151. (В дальнейшем указания на издание даются в тексте.)

а являются творением развращенного человека. Корень зла, считает Марешаль, не в форме правления, а в самом гражданском обществе. Неравенство общественного положения и состояний — основа гражданского общества — является причиной злости, которую приобретают цивилизованные люди. Выходит, прав Руссо, цивилизация — причина всех бед и несчастий? С подобным тезисом Марешаль не вполне согласен. По его мнению, цивилизация имеет и благие последствия, плохо лишь то, что ее плодами пользуются немногие (с. 150). Происходящая революция, считает Марешаль, не дала ожидаемых результатов. Настоящую революцию еще предстоит совершить. Ее цель — вернуть человечество к первоначальной свободе и разбить пружины гражданского общества вместо того, чтобы их вновь натянуть (с. 152). Природа не создала человека для общества, более обширного и сложного, чем семья, чем общество его близких. Необходимо, следовательно, отказаться «от мании больших ассоциаций, дабы быть счастливыми, будучи собранными в малом числе» (с. 153). «Не только сама природа вещей, но и теперешнее состояние гражданского общества... делают необходимым разделение людей на бесчисленное число маленьких ассоциаций» (там же). Под термином «семья», разъясняет А. Р. Иоаннисян, Марешаль понимает не семью в обычном смысле слова, а обширные семейные союзы. Предлагаемые им «маленькие ассоциации» — это общины из ста лиц, связанных кровными узами. Власть отца, о которой он неоднократно говорит как о единственно законной — это власть старшего в роде (с. 154). Марешаль указывает вполне определенно, что при патриархальном строе каждая «семья будет вести общее хозяйство, что каждый будет работать не лично на себя, а на всю „семью“» (с. 157). Эта новая форма сосуществования людей, по мнению Марешаля, позволит создать новую мораль. Отец семейства, т. е. старший в роде станет «верховным жрецом клятв, одновременно выполняя функции судьи или, вернее сказать, посредника». Не будет больше профессиональных военных. Женщина, попавшая в гражданском обществе в подчиненное, зависимое положение, вновь обретет равноправие с мужчиной. Подводя итог анализа «Поправки в интересах революции», Иоаннисян отмечает, что общественный идеал, проповедуемый здесь Марешалем, — это общинный коммунизм. «Конечно, — пишет Иоаннисян далее, — его воззрениям, безусловно, присущи при этом анархические черты, так как он полностью отрицает государство и любые формы правления» (с. 158).

«Поправка в интересах революции» является наиболее важным, последовательным и полным изложением социально-политических воззрений Марешаля. Сам он придавал этой работе большое значение, отмечая в своем последнем трактате «О добродетели» (De la Vertu, 1803), что «эта книга заслужи-

вает того, чтобы ее знали лучше».³⁷ Убеждения, выраженные в ней, Маршалль пронес через всю жизнь.

В сложные для революционной Франции дни, когда в стране полыхал раздутый роялистами и клерикалами крестьянский мятеж, когда революционная армия, подтачиваемая изменами, терпела поражения, когда якобинцы прибегли к террору, зарождалась дружба будущего руководителя «Заговора равных» Гракха Бабефа и одного из руководителей «Тайной директории» Сильвена Маршалля. Их сближало многое. Оба, к примеру, были убеждены, что частная собственность — причина всех общественных зол. Оба проповедовали революционные методы избавления от социальных несправедливостей. Оба отрицательно оценивали буржуазную революцию. Оба стремились к продолжению революции, добиваясь установления подлинного социального равенства. Оба, наконец, были атеистами. Г. Бабеф высоко ценил Маршалля, вполне доверял ему, и не удивительно, что он привлек в 1796 году создателя «Поправки в интересах революции» в ряды своей тайной революционной организации. О руководящей роли Маршалля в бабувистском движении красноречиво говорит тот факт, что ему было поручено составление программного документа этой тайной организации, готовившейся к восстанию, — «Манифеста равных».

Идеи, сформулированные ранее в «Поправках в интересах революции», Маршалль изложил в «Манифесте равных» ясно, четко, сжато. «Манифест» в основном удовлетворил участников заговора, но не был принят в качестве официального документа организации из-за двух формулировок, одна из которых противоречила мысли Бабефа о необходимости сохранения управления, диктатуры социальных низов при осуществлении социалистического идеала («Пусть исчезнет, наконец, возмутительное разделение на управляющих и управляемых»³⁸). Вторая формулировка, отклоненная членами «Тайной директории», «пусть погибнут, если это необходимо, все искусства, лишь бы у нас установилось подлинное равенство»,³⁹ отражала, на наш взгляд, не отрицательное отношение Маршалля к искусству вообще, а скорее имела полемически заостренный характер, так как Маршалль, думается, прекрасно осознавал, что достижение подлинной свободы и равноправия связано со многими жертвами и лишениями.

Отклонение «Манифеста» бабувистами не вывело Маршалля из их рядов. Лишь то обстоятельство, что предатель Жорж Гризель не знал его имени, позволило ему избежать участи руководителей «Заговора равных», гильотинированных термидо-

рианской реакцией.⁴⁰ Разгром бабувистского движения венчает конец второго периода творчества Маршалля и служит началом третьего, заключительного периода. И теперь Маршалль остается верным своим общественно-политическим идеалам и сохраняет верность основным положениям идей Г. Бабефа. Конечно, условия реакции не позволяют ему высказываться открыто, заставляют прибегать к вуалированию своих радикальных взглядов.

Естественно, что на заключительном этапе творчества Маршалль вновь и вновь обращается к анализу пережитой им революции, проверяет правильность своих идей, обращаясь к истории религии и философии, к историческому прошлому Франции и других стран. Он по-прежнему остается убежденным, воинствующим атеистом, о чем свидетельствуют его «Культе и законы общества безбожников» (*Culte et loix d'une Société d'hommes sans Dieu*, 1797), «Словарь древних и новых атеистов» (*Dictionnaire des athées anciens et modernes*, 1800), «За и против Библии» (*Pour et contre la bible*, 1801). По-прежнему он остается сторонником равноправия, приверженцем общности имущества. По-прежнему считает, что гражданское общество — причина социального неравенства. Пожалуй, наиболее характерным произведением Маршалля заключительного периода является его большая работа «Путешествие Пифагора» (1799), в которой под видом поучений Пифагора — идеального носителя революционных идеалов по мнению Маршалля, эталона совершенства человеческих качеств в литературе французского Просвещения — Маршалль вновь излагает свои социально-политические убеждения. Человечество, пишет он здесь, «разделено на два класса, из коих один изнурен бедностью, а другой испорчен изобилием».⁴¹ Указывая, что вся многовековая история человечества — это длинный ряд актов беззаконий сильных, пользующихся всеми средствами для угнетения себе подобных, Маршалль вновь утверждает право народа на восстание, подчеркивая, что для этого нужно использовать все возможности, любой благоприятный момент, чтобы «возжечь великий пожар».⁴²

Характерно, что изложение своих социально-политических убеждений Маршалль на заключительном этапе творчества очень часто подкрепляет указаниями на опыт прошлого человечества, обнаруживая определенную концепцию истории. Какова же она?

Прежде всего необходимо отметить, что обращение Маршалля к истории не означало потери его интереса к настоящей

³⁷ De la Vertu. P., 1803, p. 200.
³⁸ Буанаротти Ф. Заговор во имя равенства, именуемый заговором Бабефа, т. I. М.—Л., 1948, с. 190

³⁹ Там же.

⁴⁰ Подробнее об участии Маршалля в движении бабувистов см.: Кучеренко Г. С. Роль Сильвена Маршалля в «Заговоре равных». — «Новая и новейшая история», 1961, № 6, с. 114—121

⁴¹ Путешествие Пифагора, т. III. М., 1805, с. 438

⁴² Там же, т. VI М., 1810, с. 209

му. Изучению прошлого он придавал принципиальное значение, ибо считал, что исторический опыт людей важен прежде всего для его современников, свидетелей коренной ломки многовековых устоев общества. «Прошлое, — писал он, обращаясь к современникам, — укажет вам будущее». ⁴³ Чему же учит история для приближения будущего. Знание истории плюс исторический опыт человечества? Следуя Руссо, Маршалль французской революции привели его к убеждению в необходимости революции преобразования общества. Однако «Золотой век» человечества, по его мнению, был тогда, когда не было частной собственности, когда люди «жили отдельными семьями», ⁴⁴ не признавая иного авторитета, кроме авторитета тета старшего в роде. Так было до тех пор, пока «люди не выростают в неравенство состояний и общественного положения». ⁴⁵ Будут тем, чем им быть должно». ⁵² Этой цели — просвещению С этого момента появились бедные и богатые, угнетаемые массы, раскрытию того, как невежество народа помогает угнетателям. С помощью каких средств ничтожное число богатых могло угнетать бедняков? В ход пошло прежде всего произведение Маршалля на заключительном этапе его творчестве. Маршалль говорит: «Колыбель всех наций осквернена преступлениями. Ее окружали или узурпаторы или подданные, которые сдирали шкуру с себе подобных». ⁴⁶

К тому же на помощь сильному пришло новое, действенное средство угнетения — религия, которая появилась лишь в результате орудуманивания масс воспользовались хитростью. Тапилью Маршалля следующего содержания: «Высокочитимому ким образом, народ оказался опутанным и религиозными цепями. Узурпаторы заключили союз с церковниками, и вместе с политикой терзала человеческий род». ⁴⁸ Маршалль ясно представлял себе и социальную роль искусства и науки в истории человечества. «Художники и стихотворцы, — указывал он, — полируют цепь, которой скован народ», ⁴⁹ а ученые, которые могли бы «спасти и разум, и свободу», ⁵⁰ оказались в лагере угнетателей, подкупающих их. Как уже отмечалось выше, Маршалль отвергал и монархическую, и республиканские формы правления. Не признавал он и олигархию. Все эти формы правления он рассматривал либо как откровенный абсолютизм, либо как переходные формы, стремящиеся к абсолютизму. А понятия «абсолютизм» и «деспотия» были для него идентичны. ⁵¹

В концепции истории Маршалль исходил из практического опыта, прошлое он рассматривал через призму настоящего. Рассмотрение опыта прошлого в таких работах, как «Всеобщая история» (*Histoire universelle en style lapidaire*, 1800), «История Греции» (*Histoire de la Grèce*, 1788), упоминавшееся уже «Путешествие Пифагора» и других, давало ему обильный материал для оценки настоящего, позволяло строить теории, нужные для приближения будущего. Знание истории плюс исторический опыт человечества? Следуя Руссо, Маршалль французской революции привели его к убеждению в необходимости революции преобразования общества. Однако «Золотой век» человечества, по его мнению, был тогда, когда не было частной собственности, когда люди «жили отдельными семьями», не признавая иного авторитета, кроме авторитета тета старшего в роде. Так было до тех пор, пока «люди не выростают в неравенство состояний и общественного положения». Будут тем, чем им быть должно». Этой цели — просвещению С этого момента появились бедные и богатые, угнетаемые массы, раскрытию того, как невежество народа помогает угнетателям. С помощью каких средств ничтожное число богатых могло угнетать бедняков? В ход пошло прежде всего произведение Маршалля на заключительном этапе его творчестве. Маршалль говорит: «Колыбель всех наций осквернена преступлениями. Ее окружали или узурпаторы или подданные, которые сдирали шкуру с себе подобных». Морису Домманже удалось обнаружить совершенно неоспоримое свидетельство того, что «История России» принадлежит к числу произведений Маршалля. Он нашел экземпляр книги из библиотеки Мазарини (шифр 45 986) с собственноручной дарственной надписью Маршалля следующего содержания: «Высокочитимому хранителю библиотеки Мазарини, господину Кокилю, для помещения в хранимую им библиотеку, если он посчитает ее достойной подобной чести, автор Сильвен Маршалль». ⁵³ Касаясь композиции книги, Домманже отмечает, что работа «состоит из трех хорошо различных частей: нечто вроде введения...; сама «История России», разделенная по дарствованиям от Обрина до Екатерины II; затем «Добрые и последние советы Екатерины II Павлу I, найденные среди бумаг императрицы России после ее смерти». ⁵⁴ Указывая, что, вероятно, источниками для «Истории России» послужили «Вольтер и некоторые неопределенные отрывки из Михаила Моносова», ⁵⁵ Домманже считает книгу Маршалля лишь предлогом для разоблачения первого консула (Наполеона), «против которого жестокость времени не позволяла бороться открыто». ⁵⁶ Наиболее показательной в «Истории России» Домманже счел, видимо, характеристику Василия III, соотносимую, по мысли исследователя, с критикой Наполеона: «Он был расчетлив в двух случаях: в отношении к народной крови, чтобы заслужить титул завоевателя на земле, и в отношении богатств государственной казны в пользу духовенства, чтобы получить от него спасение на небе... Что касается духовенства»

⁴³ *Histoire universelle en style lapidaire*. Paris, 1800, p. 170.

⁴⁴ *Путешествие Пифагора*, т. I. М., 1804, с. 106.

⁴⁵ *Collectiv à la Révolution*. P., 1793, p. 22.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 11.

⁴⁷ *Путешествие Пифагора*, с. 196.

⁴⁸ *Histoire universelle*, p. CLXXX.

⁴⁹ *Путешествие Пифагора*, т. IV, 1806, с. 309.

⁵⁰ Там же, т. VI, 1810, с. 532.

⁵¹ *De la Vertu*, p. 94.

⁵² *Путешествие Пифагора*, т. III, 1805, с. 217.

⁵³ «Au Très honorable conservateur de la bibliothèque Mazarini, monsieur oquille, pour être placé dans cette bibliothèque, s'il l'en juge digne, l'auteur (ylvain) M(aréchal)» (*Dommanget M.*, Op. cit., p. 465).

⁵⁴ *Ibid.*, p. 396.

⁵⁵ *Ibid.*

⁵⁶ *Ibid.*, p. 397.

ва, то он ему никогда ни в чем не отказывал. Государственные люди всегда думают, что в нем они будут нуждаться. Министры культа и государственные деятели всегда объединяются чтобы поработать нации. Василий исчерпал свои ресурсы для строительства церквей и их украшения, передав их в руки служителей культа, чтобы дать им возможность обложить налогом множество несчастных, воздействуя на них пышностью своего обрамления».⁵⁷

Прочитывая этот отрывок, М. Домманже замечает, что «все произведение написано в этом духе».⁵⁸ О «Добрых и последних советах Екатерины II...» Домманже в своем разборе «Истории России», занимающем всего две страницы его обширной монографии, не говорит ни слова. Можно лишь предполагать, что французский ученый считает эту часть книги той же принадлежащей Маршалю. Однако так ли это бесспорно как представляется французскому исследователю? Прежде всего отпадают указываемые Домманже такие источники, как Вольтер и Ломоносов. Первый, как известно, был автором «Истории России в царствование Петра Великого» (1759—1763). Под ссылкой на Ломоносова следует, конечно, понимать его «Древнюю Российскую историю» (1766), появившуюся в Франции в переводе М. А. Эду в 1769 г.,⁵⁹ и другую историческую работу «Краткий Российский летописец».⁶⁰ Ни Вольтер (1694—1778), ни Ломоносов (1711—1765) не могли, конечно, дать материал для написания «Добрых и последних советов» в которых многократно упоминается французская революция

и которые датируются составителем 1796 годом.⁶¹ Кроме того, при самом предвзятом подходе к «Добрым и последним советам» увидеть в них даже косвенные намеки на Наполеона весьма и весьма сложно.

Нельзя забывать, наконец, что безоговорочному признанию Маршала автором «Завещания» мешают мнения таких авторитетных знатоков эпохи Екатерины II и личности самой русской императрицы, как Ф. А. Терновский и Г. П. Макогоненко.

О глубоком знании экстраординарным профессором Киевской духовной академии Филиппом Алексеевичем Терновским (1838—1884) истории России XVIII века говорят такие его работы, как «Религиозный характер русских государей XVIII в.», «Киево-софийский протоиерей Иоанн В. Леванда», «Об отношениях между духовной и светской литературой», «Как доживали свой век заштатные малороссийские монахи XVIII в.», «Из истории наших духовных школ в XVIII столетии» и др. Изучению екатерининского царствования посвящена и статья Ф. А. Терновского «Русское вольнодумство при императрице Екатерине II и эпоха реакции», появившаяся в I и III томах «Трудов Киевской духовной академии за 1868 г.». В этой статье Терновский привел, в частности, отрывок из «Завещания», ставшего известным ему по рукописному списку произведения в русском переводе, хранившемуся в киево-софийской библиотеке.⁶² Он знал и то, где был опубликован французский текст «Завещания». Вначале Терновский как будто отвергает принадлежность «Завещания» Екатерине II, аргументируя это утверждение следующими рассуждениями: «Мы не верим подлинности этого завещания, во-первых, потому, что Екатерина II, как известно, скончалась скоропостижно, тогда как надеялась прожить еще по крайней мере лет 20, следовательно, могла рассчитывать сама выполнить те меры, которые излагаются в завещании. 2) Известно, что отношения между императрицей Екатериною и ее сыном Павлом Петровичем были очень натянуты и дурны. Сын систематически оуждал все, что предпринимала мать. Екатерина знала это, и могла ли она ожидать, что Павел Петрович, осуждавший ее внешнюю и внутреннюю политику при жизни, сделается внимателен к ее наставлениям после ее смерти. 3) Известно также, что императрица думала отстранить от наследства престола Павла Петровича и передать скипетр непосредственно внуку своему Александру Павловичу. Могла ли она, имея это в виду, адресовать свои посмертные наставления Павлу Петровичу?»⁶³ Однако завершаются доводы Терновского вовсе не так уж безалащив-

⁵⁷ Dommanget M. Op. cit., p. 397—398. (Далее ссылки на «Историю России» даются без сноски в тексте).

⁵⁸ Dommanget M. Op. cit., p. 398.

⁵⁹ Histoire de la Russie depuis l'origine de la nation russe, jusqu'à la mort du grand Duc Jaroslavs premier. Par Michel Lomonossov, conseiller d'Etat... Traduit de l'allemand par M.-E. Paris, 1769. — Т. А. Быкова доказала, что так называемые второе и третье издания ломоносовской «Истории» вышедшие во Франции в 1773 и 1776 годах отпечатаны с одного набора, и разошедшегося своевременно, по ее предположению издания 1769 года (Быкова Т. А. О переводах «Российской истории» Ломоносова. — В кн.: Литературное творчество М. В. Ломоносова М.—Л., 1962, с. 237—247)

⁶⁰ «Краткий Российский летописец» был переведен на немецкий язык П. Я. Штелиным и издан в 1765 году (Kurzgefasstes Jahrbuch der russische Regenten. Copenhagen und Leipzig). В 1767 году появился и английский перевод этой книги (A chronological abridgement of the Russian history. London). Маршал владет немецким языком, о чем свидетельствует приводимым им в «Истории России» (с. 348) заметка из немецкого календаря о городах возведенных в правление Екатерины II. Сведениями о знании Маршала английского языка мы, к сожалению, не располагаем. О знакомстве Маршала с «Кратким Российским летописцем», по нашему мнению, говорит то обстоятельство, что маршалевская «История России» композиционно построена так же, как и ломоносовская работа: подобно Ломоносову Маршал вводит в послылает каждому царствованию сведения о порядковом номере правителя количестве лет его царствования.

⁶¹ «Гигантские шаги... Революции Политической», «уже совершенные в продолжение семи лет» (см. Приложение I, русский перевод по списку первой четверти XIX в., с. 68).

⁶² Труды киевск. духовн. акад., кн. III. К., 1868, с. 129.

⁶³ Там же.

онно: «Вообще о нем (т. е. о «Завещании». — Г. Л.) можно сказать словами итальянской поговорки: *если оно не подлинно, по крайней мере хорошо выдуманно*».

Терновский опубликовал в своей статье менее половины текста «Завещания» (от начала до слов «у ног наших умоляющих нас возвратить им это легкое спасительное иго, носимое нами долгое время не жалуясь». — См. Приложение I, с. 72) При чем опубликовал с купюрами. Тем не менее, во-первых, этот отрывок дает ясное представление о «Завещании» а, во-вторых, даже в подобной, приглушенной и смягченной форме достаточно выразителен.

Публикацию Терновского изучал советский ученый Г. П. Макогоненко и, назвав «Завещание» «малоизвестным политическим документом девяностых годов» XVIII века, пришел к следующим выводам: «Трудно утверждать достоверность этого документа; спорной может быть сама форма «Завещания», сама идея обращения с наставлениями к Павлу. Но бесспорно одно — описанные в ней обстоятельства точно воспроизводят картину царствования Екатерины, высказанные мысли и убеждения почти дословно совпадают с тем кругом идей, о котором нам известно из ее писем, записок, показаний близких к ней людей, в частности, например, из «Дневника Храповицкого»».⁶⁴

Итак, дилемма все-таки существует. Ибо, с одной стороны, полунамеки (не намеки даже) М. Домманже на то, что «Завещание» написано Маршалем, поскольку, по его мнению, вся книга выдержана в одном духе. С другой — сомнения русского и советского ученых в подлинности произведения, в то же время подкрепляемые указаниями на удивительное совпадение его содержания, идей, мыслей, выражений с идеями, мыслями, выражениями Екатерины II. Каким образом можно решить дилемму?

Обзор эволюции русского законодательства о престолонаследии, данный в первой главе настоящей работы, думается, позволяет сделать вывод об уязвимости и неразработанности этого вопроса в момент царствования Екатерины II. Очевидно, это понимала и Екатерина, о чем уже говорилось. С точки зрения укрепления и упрочения самодержавного абсолютизма назрела необходимость в период ее царствования разработать систему престолонаследования, исключающую в будущем случаи дворцовых переворотов, бесспорно, ослаблявших позиции самодержавия. Именно на это ориентировалась Екатерина II, что подтверждается ее «Проектом манифеста», найденным В. А. Григорьевым. Кстати сказать, Павел I задолго до вступления на престол совершенно независимо от императрицы составил акт о престолонаследии (1788), удивительно точно совпадавший по принципам с «Проектом манифеста» Екатерины

⁶⁴ Макогоненко Г. Николай Новиков и русское просвещение XVIII века. М.—Л., 1951, с. 522.

и ставший с момента его коронации официальным законом Российской империи.⁶⁵ В «Добрых и последних советах» о принципах престолонаследия нет ни слова — убедительный, на наш взгляд, довод в пользу того, что Екатерина II не могла быть автором «Завещания». Это плюс аргументы Терновского и Макогоненко, думается, заставляют окончательно отказаться от мысли об атрибуции «Завещания» императрице.

Если следовать «Предисловию издателя» к «Истории России», может возникнуть предположение, что автором «Завещания» мог быть кто-то из русских. Сказано же в «Предисловии», что это произведение доставил «издателю», т. е. Маршалю «один русский литератор, находящийся в службе при дворе Петербургском». Однако против подобного положения свидетельствуют веские аргументы.

Прежде всего сохраняет силу довод Терновского: отношения Павла и Екатерины были весьма и весьма натянуты. Это было широко известно в образованных кругах России того времени. Достаточно вспомнить хотя бы о Болотове, о зловещих слухах 1796 года, когда почти открыто обсуждалось предстоящее назначение наследником Александра I. Между тем из «Завещания» вырисовывается совершенно идиллическая картина отношений нежной матери и горячо любимого сына!

Совершенно неестественно в устах русского звучит совет о беспощадной борьбе с клубами (club): говорить о «развращающем» влиянии, скажем, благонамереннейшего «английского клуба», организованного в 1770 году в Москве Гарднером, или первого в России музыкального клуба, созданного в 1772 году Карлстромом, было просто смешно. Выпады против клубов, кстати говоря, заставляют обратиться к Франции, где клубы, по свидетельству Ф. Рокэна, появились в середине 80-х годов XVIII века и быстро получили широкое распространение.⁶⁶ Гораздо естественнее звучало бы требование «не щадить клубов» в устах француза, знавшего, что еще перед революцией правительство «распорядилось закрыть все клубы, на которые смотрело как на сборища недовольных и фрондеров».⁶⁷ Только свидетель и участник революционных событий мог знать о той исключительно важной роли клубов и так называемых «братских обществ», которую играли эти организации в ломке феодального строя. Участник и свидетель, а не «русский литератор, служащий при дворе Петербургском».

И наконец, последний аргумент в пользу принадлежности «Завещания» перу француза. В «Завещании», кроме Суворова, нет ни одной русской фамилии, не говорится ничего конкретного

⁶⁵ ЖМНП, 1914, ч. 50, с. 121

⁶⁶ Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке (1715—1789 гг.). СПб., 1902, с. 445—446.

⁶⁷ Там же, с. 484

ни об одном русском политическом или общественном деятеле того времени. Да и Суворов упомянут в связи с общеевропейски известным фактом — взятием войсками под его руководством Варшавы в 1794 году. Да что русские фамилии! Конкретно в «Завещании» не говорится ни об одном факте екатерининской поры, имеющем внутрисоциальное, внутрисоциальное политическое значение. Чем аргументирует автор свои положения? В какой-то мере фактами исторического прошлого, а главное — французской революцией, о которой здесь говорится и пространно и красноречиво, со знанием мельчайших подробностей. Словом, есть основания думать, что автор «Завещания» — француз.

Приняв только что выдвинутую посылку, невольно обращаешься в первую очередь к Маршалю.

ГЛАВА III

ИДЕЙНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ «ИСТОРИИ РОССИИ» И ЗНАЧЕНИЕ «ДОБРЫХ И ПОСЛЕДНИХ СОВЕТОВ ЕКАТЕРИНЫ II ПАВЛУ I»

Неоспоримо утверждение Домманже, что «История России» полна намеков на Наполеона, диктаторские устремления которого Маршалю разгадал очень рано, — еще в «Путешествии Пифагора» содержатся резкие выпады против «полубога и чуда века». Справедливо и указание автора монографии о Маршалле на то, что «История России» насыщена нападками на священников, великих государственных деятелей и даже на искусство. Все это так. Однако не менее важной, на наш взгляд, является в этой работе Маршалля тема, на которую Домманже не указывал, тема полемики с Вольтером, точнее с его теорией просвещенного абсолютизма, разделявшейся всеми просветителями XVIII века. В чем суть этой теории?

Поставив во главу угла философский рационализм, просветители считали, что несовершенство человеческого общежития обусловлено не божественным проведением, а тем, что разумные начала не стали еще всеобщим достоянием. Анализ морали, правосудия, религии, искусства с позиций рационализма привел их к убеждению, что эти институты общества построены на началах, далеких от требований разума. Почему? Потому, полагали они, что народ невежествен и полон предрассудков, а правители не заботятся о его просвещении, не беспокоятся о том, что общество нуждается в справедливых законах. Люди запутались в заблуждениях, слишком уповают на божий промысел, в то время как во власти людей, наделенных образованием, непредвзятыми взглядами, есть средства для преобразования мира. Задача ясна — надо просветить человечество, нужно дать ему новые, справедливые, разумные законы, нужно бороться за справедливость. Каким образом быстро и эффективно добиться осуществления этих задач? Для этого, думали просветители, нужно, чтобы во главе наций оказались мудрые правители, воспитанные на идеях философского рационализма. От-

туда, сверху, правители, руководствуясь указаниями и помощью «республики философов», начнут насаждать справедливые законы, займутся воспитанием народа, словом, приведут человечество к счастливому будущему. Исходя из этих теоретических построений Дидро, Даламбер, Вольтер пытались «воспитать» Фридриха II и Екатерину II, вступив с ними в переписку, посылая им свои сочинения, обсуждая государственные проблемы. При этом Вольтер в этом отношении проявлял наибольшую активность. Но «уроки» монархам можно давать, лишь подкрепляя их как указаниями на несовершенство установлений общества в настоящем, так и примерами идеальных правителей прошлого, великие деяния которых приносили неисчислимые блага народам. Последнее соображение было едва ли не главным отправным моментом обращения Вольтера к истории.

В своих основных исторических работах, таких, как «История Карла XII», «Век Людовика XIV», «Опыт о нравах и духе народов», «Обзор века Людовика XV», «История России в царствование Петра Великого» — Вольтер делит монархов прошлого на три категории: на плохих (тиранов), на хороших и на завоевателей, тяготеющих к первой категории. Мотивировка этого деления дается, в частности, в «Истории Карла XII»: «Государства имеющие наибольшие права на бессмертие, это те, кто сделал что-либо доброе людям» (вторая категория). «Память о плохих государях сохраняется так же, как память о наводнениях, пожарах и моровых язвах» (первая категория). «Между тиранами и хорошими государями находятся завоеватели, жаждущие к первым» (третья категория).¹ Относя к последней категории Карла XII, Вольтер оценивает его следующим образом, явно давая «урок царям»: «Не может найтись ни одного монарха, который, ознакомившись с жизнью Карла XII, не должен был бы излечиться от безумия завоеваний». К «хорошим монархам Вольтер относит Петра I, рисуя его героем, создателем и законодателем, и Людовика XIV, показанного покровителем искусств, великим государственным деятелем и полководцем. Обширна у Вольтера галерея «плохих» государей, к которым относятся, имея в виду европейскую историю, все без исключения монархи вплоть до века Людовика XIV, т. е. более чем до середины XVII столетия. То, что стоит позади «короля солнца» для Вольтера даже не история, а подступы к ней. Чем это объясняется? Вольтер пишет: «В истории мы видим, как сменяют друг друга ошибки и предрассудки, как они преследуют истину и разум. Мы видим, как ловкие и счастливые поработают глупых и уничтожат несчастных; но эти ловкие и счастливые являются сами игрушками фортуны, подобно тем рабам, которыми они управляют». Однако в преддверии XVIII века началась новая эра — эра просвещения, и пессимистическая

картина обозрения прошлого завершается у Вольтера мажорным аккордом: «В конце концов, люди просвещаются этой картиной их несчастий и их глупостей. Общества доходят со временем до усовершенствования своих идей, люди научаются мыслить».³ Маршалль, как говорилось ранее, еще до революции пришел к отрицанию абсолютизма. Опыт буржуазной революции привел его к отрицанию и монархической и республиканской форм правления. «Историк, замечает он в этой связи, — не должен держаться ни за монархию, ни за республику».⁴ Для Маршалля, в противоположность Вольтеру, не существовало в прошлом иных правителей, кроме деспотов, — одних хитрых и удачливых, других — менее ловких и потому чаще всего становящихся жертвами первых. Маршалль прекрасно сознавал, что гигантскую фигуру Вольтера не заслонили, не отодвинули в прошлое ни революционные, ни последующие события — идеи его живы и сохраняют актуальность для современников. Являясь сам во многом воспреемником вольтеровских идей, Маршалль тем не менее понимал, что некоторые из них, в частности теория протестантского священного абсолютизма, приобретают в новых условиях неактуальное общественно-политическое значение.

Вольтер в маршаллевской «Истории России» появляется уже на первых страницах. Ссылкой на авторитет «фернейского патриарха», например, подкрепляет Маршалль свое мнение о том, что историк должен писать стилем «серьезным и приятным» (с. IV). Ставя в заслугу Вольтеру то, что он в отличие от своих предшественников принадлежал к новому поколению историков, Маршалль заявляет, что и его задача «показать необходимость и возможность выразить многое немногими словами» (с. II). Однако Маршалль вовсе не собирается стать «эхом своих предшественников», ибо, по его мнению, «Геродот и Фукидид, Тит Ливий и Тацит, Боссюэ и Вольтер писали только для того, чтобы забавлять бездельников» (с. VII). Явно намекая на Вольтера, пастух-Сильвен замечает: «В том, что называют „человек света“, нет ничего того, что нужно для написания истории» (с. IV). Между тем требования, предъявляемые к историку, чрезвычайно высоки: «Было бы хорошо, чтобы историк не имел ни семьи, ни друзей.

Это был бы бесстрашный ангел, который бы писал историю людей, не боясь их и ничего не ожидая от них». К сожалению, подобные требования настолько высоки, что почти невыполнимы.

¹ Державин К. Н. Вольтер М., 1946, с. 186.

² Там же, с. 186—187.

³ Там же, с. 212.

⁴ Histoire de la Russie. P., 1802, p. V. (В дальнейшем ссылки на «Историю России» даются по этому изданию в тексте, страницы указываются в скобках)

мы, и Маршалль, скрепя сердце, признает это: «Предрассудки, рождения и жизни, дух партии и тела, даже любовь к Родины представляют собой столько помех при написании истории, достойной потомства» (с. V). Стремление к объективной оценке своей собственной работы приводит Маршалля к убеждению «что им написанное не есть эталон того, что он советует» (с. VIII). Не может отвечать этим требованиям и Вольтер, «любезек ловек света»,⁵ которого Маршалль называет «придворным современником Семирамиды» (т. е. Екатерины II), замечая, что «Вольтер никогда не имел в истории авторитет больший, чем в политике» (с. I). Этой оценкой автор «Истории России» дает понять, что и при обращении к историческому прошлому Вольтер руководствовался политическими мотивами.

Характерно, что при изложении истории России, начиная с совершенно фантастической фигуры Обрина вплоть до событий близких эпохе Петра I, Вольтер исчезает со страниц книги Маршалля. Это естественно, потому что, исходя из диаметрально противоположных убеждений, они дают сходные оценки периода, когда «ловкие и счастливые поработают глупых и уничтожат несчастных». Однако есть и различия в освещении этого периода. И главное из них заключается в том, что Маршалль, пользуясь любой возможностью, показывает, что только восстановление народа может принести избавление от ига деспотизма и тирании.

Собственно, и историю России он начинает с того, что, упомянув о руссах или россах, которые «мирно наслаждались воздействием естественных прав» (с. 2), показывает, как быстро шел процесс закабаления народа «под предлогом цивилизации населения» (там же). Однако уже «первый князь Руси», персидский авантюрист Обрин, захвативший Московскую тиранию до крайних пределов. «До его вторжения Московские правители путешествовали в тяжелых колясках, запряженных парой быков, так же как это делали ленивые короли Франции» (с. 6—7). Обрин быстро пресытился подобным способом передвижения.

Полагаясь на свое могущество и безропотность народа, он приказал однажды запрячь свою коляску и коляски своих придворных женами и дочерьми поработенных россов Чаша терпения переполнилась, народ восстал. «Кто может сопротивляться отчаянию угнетенного?» (с. 9). Тиран и его приближенные были уничтожены. «Так кончилась тирания ужасного Обрина — осталось только воспоминание, которым не сумели воспользоваться» (с. 10). И в дальнейшем при изложении событий русской истории Маршалль не жалеет красок для обличения жестокости русских правителей. Не щадит он и народ, так долгие и терпеливо сносивший иго тирании. Тем не менее он подчеркивает, что «история преступлений и несчастий, из которой сложены анналы России, была подготовлена царями и для царей» (с. 281). Поэтому-то он и беспощаден к народу, стремясь открыть ему глаза на то, что общественной пользой было бы «обуздание великих и царей, для которых путы закона есть не что иное как ниточки пакли» (с. 119—120). В галерее монархов-деспотов, изображенных Маршаллем, не составляет исключения и Петр I. Более того, показать деспотизм первого русского императора для него было очень и очень важно, ибо как уже говорилось, великий Вольтер причислил Петра I «к государям, несущим в сердце цивилизацию, славу и любовь к полудиким народам» (с. 213—214). Показательно, что при характеристике царствования Петра Маршалль отбрасывает иносказания и намеки и прямо полемизирует с Вольтером.

В деталях описывая казнь участников стрелецкого бунта (1698), Маршалль, не находя оправданий Петру, замечает: «Но, — говорят писатели, которые претендуют на звание философа, — императору необходимо пройти через некоторые ситуации, особенно императору, который соблаговолил стать игрой светлых умов Франции. — Именно такими аргументами тогда оправдывались государственные преступления». Верно, отмечает Маршалль, Петр уничтожил поборы, которые бояре, собиравшие подати с крепостных крестьян, передавали в руки князей, плативших, в свою очередь, государю столько, сколько считалось приличным. «Это ставило главу государства в некоторую зависимость: он был как бы во власти своей знати», что не устраивало Петра. «Он хотел, чтобы отныне сборы от налогов поступали в государственную казну сразу» (с. 214). «При этом нужно заметить, — подчеркивает Маршалль, — что поборы стали обязательными и не уменьшились». Государю стало лучше; его скипетр давил прямо на голову народа: имелся только один господин, который стремился сосредоточить в своих руках всю власть, чтобы она стала всесильной и абсолютной» (с. 215). А Вольтер? «Что только не говорил Вольтер, чтобы доказать свое восхищение этим деспотом, которого он сделал своим героем!», — пишет Маршалль и указывает на свою задачу: «Но ни героя, ни льстеца больше нет; самое время восстановить беспристрастно имена и наконец вывести из заблуждения последующие поколения в отношении людей и событий, которые произвели столько грохота в истории» (с. 202).⁶ Если для Маршалля было важно показать, что правление Петра I не являлось исключением из деспотизма, то тем более важно было для него разоблачить

⁵ Ср с поэмой Вольтера: «Светский человек» (Le Mondain, 1736.)

⁶ И далее, касаясь царствования Петра I, Маршалль постоянно противопоставляет свою точку зрения на монархию вольтеровской, о чем свидетельствуют многочисленные нападки на Вольтера (см.: Magéchal S. Op. cit., p. 223, 228, 232, 233, 247, 248, 254, 256, 258, 261, 264, 268, 270, 272, 274).

правление Екатерины II, императрицы, которой Дидро, Даламбер и Вольтер «воздвигали алтари во всей Европе»,⁷ называли ее «мудрейшей законодательницей», «философом на троне» и т. д.

«Историю жизни Екатерины, — пишет Маршалль, — можно разделить на две части: частные преступления и публичные злодеяния» (с. 345). Начиная повествование о ее царствовании, рассказывает о дворцовом перевороте 28 июня 1762 года, замечает, что «первыми плодами ее деспотизма... были убийства; одно — ее свергнутого с престола мужа (Петра III), другое — князя, ограбленного и посаженного в тюрьму на 20 лет (Ивана Антоновича. — Г. Л.)» (с. 330). «Эти дерзкие преступления, — пишет далее Маршалль, — нашли приверженцев даже во Франции. Мнимые философы сделали добродетелей женщины, может быть, самой дерзкой и всех, кто когда-либо носил корону» (там же). Как можно славяť императрицу, которая «утяжелила скипетр, обогрив кровью Татарию, Крима, Курляндии и особенно Польши» (с. 346). Может ли быть идеалом монарха женщина, в чье царствование вспыхивали частые восстания? Маршалль указывает на налоги, «которыми империя в Европе увеличила гнет своих подданных, чтобы покрыть расходы и военные расходы» (с. 355).

А как же титул законодательницы? Ведь именно за это ее обрушились все академические похвалы Европы» (с. 349). «Она, действительно, — отмечает Маршалль, — созвала в дворце царей законодательную ассамблею, состоявшую из 500 депутатов, которых возглавлял генерал-лейтенант Бибикур (там же). Упоминая, что прусский король прислал ей комплиментарное письмо, приветствующее созыв депутатов, в котором льстиво указывалось, что «древние поместили бы имя Вашего Величества между Ликургом и Солоном», Маршалль пишет: «Вот некоторые из наказов, данных Екатериной, чтобы служить основанием к помещению ее имени между Ликургом и Солоном».

— Государь Российской империи имеет неограниченную власть.

— Протяженность империи предполагает, естественно, неограниченную власть личности, которая управляет.

— Выгодно подчиняться законам единственного государя.

— Государь сосредотачивает в себе всю политическую гражданскую власть.

— Правительство осуществляет посредническую власть, полностью зависимую и подчиненную высшей власти» (с. 450—451).

Нетрудно заметить, что автор «Истории России» сумел уловить главное, чего добивалась Екатерина II в Уложенной комиссии.

Характерно, это обозрение истории России Маршалль не доводит до событий французской буржуазной революции. Он, вероятно, понимал, что революция для его соотечественников еще не стала историей. Обратиться к ее оценке — значит затронуть актуальную общественно-политическую тему, коснуться весьма остро воспринимаемых проблем. Если при характеристике прошлого России Маршалль мог открыто и полемически высказать свои радикальные убеждения, то при оценке событий, современных французской революции и более поздних, это было весьма и весьма опасно. Как быть? Перейти на язык намеков и подсказаний? Маршалль избирает иной прием — оценку событий французской революции он предоставляет сделать Екатерине II, для чего пишет «Добрые и последние советы Екатерины II Павлу I» и выделяет их в особую часть книги.

Существуют ли доказательства, что и эта часть принадлежит перу Маршалля?

7 Переписка Екатерины Великой с господином Вольтером. Перевод А. Подлисецкий, ч. I—II. М., 1803, с. 22.

Прежде всего на это есть намеки самого автора «История России». Так, после обзора царствования Екатерины II Маршаль делает примечание, в котором пишет: «Следующая статья не чужда данному сочинению» (с. 368). Сообщив в разделе, посвященном Екатерине II, что ему «известна переписка Екатерины с Вольтером, Дидро, Даламбером и другими» (с. 348), Маршаль в тексте «Завещания» тонко намекает, что эта переписка использована им. Кроме того, императрицу российскую заставляет в «Завещании» сообщить Павлу следующие сведения: «Я позволила Дидероту говорить со мною откровенно. . . . «Я нуждалась на время в людях такого рода; они были первыми ехотом моей славы. . . .», «они провозгласили меня Северною Семiramидою» (см. Приложение I, с. 70). Нужно ли было, спрашивается, сообщать подобные сведения сыну, который, как явствует из того же «Завещания», был самым близким и любимым человеком? В самом же конце «Завещания» есть почти прямое указание на то, что при его составлении автор пользовался репиской русской императрицы и Вольтера. Имеется в виду следующее примечание «Ежели ваш девиз есть пчела, то имейте ужасное улье» (Письмо Вольтера к Им. Екатерине II, см. Приложение I, с. 76). Здесь Маршаль воспроизвел фразу из письма Вольтера императрице. В 1765 году Екатерина II общалась в частности, Вольтеру, что ее девиз — «пчела, которая летает с одного растения на другое, собирает мед и относит полезную улей, — а надпись полезная». На это Вольтер ответил так:

«Пчела конечно всем полезна
Она страшна, она любезна
Живет для блага одного:
Питает медом, воском светит
Когда ж дар нравится имеет
Сне не портит ничего. . .» и т. д.

В прозаической части своего послания Вольтер обронил фразу, которую и обыграл Маршаль в своем примечании: «Есть пчела девиз Ваш, то ваш улей чрезвычайен — больше всех нас в свете; своим именем и благодеяниями Вы наполняете землю». Как известно, переписка Вольтера и Екатерины длилась пятнадцать лет, с 1763 по 1778 год. В письмах корреспонденты обменивались мнениями по поводу русско-турецких отношений, делились новостями из жизни России и Франции, обсуждали законодательную деятельность императрицы, положение сословий в России, проблемы религии и т. д. и т. п. Конечно, письма императрицы давали превратное, искаженное представление о России. Вольтер же славил ум, моральные качества, государственные таланты Екатерины. «Постепенно в переписке, — отмечает В. С. Люблинский, — установилась какая-то удивительная бе-

перемонность, можно сказать фамильярность. . .»,⁹ причем Екатерина обращалась к Вольтеру «то в духе кокетливой интимности, то в духе доверительного обмена государственными мыслями, то в духе дружеских признаний».¹⁰ Эта переписка была известна Маршалю благодаря так называемому Кельскому изданию сочинений Вольтера, осуществленному в 1784—1787 годах сначала книгоиздателем Панкуком, а затем Бомарше.¹¹

Вот почему, на наш взгляд, «Завещание» написано не в форме государственного акта, а в форме эпистолярного послания — это тот же жанр, что и письма Екатерины к Вольтеру. Думается, нетрудно увидеть в «Завещании» и доверительный тон, тон дружеских признаний, интимную фамильярность. Имитировать подобную тональность для такого мастера имитации, как Маршаль, не представляло большого труда.

И в завершение самый важный, решающий аргумент в пользу атрибуции «Завещания» Маршалю. Этот аргумент — идейное содержание документа.

В самом деле, каков смысл «Завещания», если его рассматривать даже, так сказать, в первом приближении? По-видимому, двух мнений быть не может: со страниц «Завещания» вырисовывается образ человека, для которого все средства хороши, если они помогают утверждению полного, ничем не ограниченного самовластия. Показанный человеком умным, либеральным, аристократическим, герой «Завещания» отдает себе отчет в том, что настало время, в которое «более нежели когда-нибудь. . . искусство царствовать становится трудным, более нежели когда-нибудь корона будет привлекать бури» (см. Приложение I, с. 68). Нетрудно заметить, что даются «добрые» советы человеком, прошедшим школу просветителей, изучившим «превосходные Трактаты Философии», — и все это для того, чтобы излить на престол новый блеск и заимпозантной ширмой скрыть самовластие. Но любой монарх, каким бы умным, изворотливым, прозорливым, талантливым он ни был, не может обойтись, — особенно в новых условиях, когда требуется искусство «соглашать народные бури» — без средств, укрепляющих самовластие. Какие же это средства? На первом месте здесь бесспорно стоят препоны, которые самодержец, самознакомившийся с «Трактатами Философии», должен создавать на пути проникновения идей в народ, ибо «нельзя владеть народом по воле своей рассуждающим». Что для этого нужно? Во-первых, строгие рогатки цензуры. Во-вторых, умение самодержца владеть общим мнением, содержать это мнение на «своем коште». Главный союзник монарха в этом — религия. С помощью религии самодержец может держать мысль «между цен-

⁹ Новые тексты переписки Вольтера. Письма к Вольтеру. Л., 1970, с. 182.

¹⁰ Державин К. Н. Вольтер. М., 1946, с. 254.

¹¹ Oeuvres complètes de Voltaire. De l'imprimerie de la Société typographique. Kehl., 1784, 1785—1787, vol. 1—70; vol. 1—90;

⁸ Там же, с. 8—9.

зорами и попами». Но духовенство союзник опасный. Поскольку Лучший способ держать попов «в тесной зависимости» от светской власти — щедро оплачивать их услуги, умело использовать тщеславие и честолюбие. «Рубль, данный кстати солдатам, обращенное к их генералу, много раз давали столько же самодержавия — армия. «Мы, — заявляет герольдическое правило военное есть вернейшее. . . Народ ничего, кроме

Даже беглый анализ «Завещания» позволяет прийти к выводу, что в «Завещании» нарисован образ «идеального» во отношениях деспота, в совершенстве постигнутого сложную, топкую науку угнетения своего народа. Кто, кроме Маршала, мог сорвать с монархии священные покровы власти, разве ее выше страстей человеческих? При чем сделать это не средствами публицистически прямого обличения, не средствами ва языка, не средствами сатирической характеристики, а путем так сказать, саморазоблачения персонажа, ни на минуту сомневающегося в правоте своих взглядов, ни на иоту не истины — суть истины узурпаторской власти, бесчеловечной жестокости.

В созданном Вольтером и Екатериной хрустальном замке переписки читатели видели идеального монарха, действующего по канонам теории просвещенного абсолютизма. Со страниц «Завещания» перед читателем предстает образ тоже «идеального» монарха, «идеального» деспота, привлекающего любые средства для управления народом, участь которого лишь «работать молчать». Этот контраст между Екатериной из переписки Вольтером и Екатериной наедине с собой был метким и точным ударом по теории просвещенного абсолютизма, уроком учившим людей не доверять самым гуманным, самым щедрым заверениям правителей облагодетельствовать человечество. Помимо широковещательной дипломатии существует тайная дипломатия, указывает Маршалль, и хотя идейная направленность «Завещания» достаточно прозрачна, он дает читателю дополнительный ключ к ней, замечая в «Предисловии издателя», что «Добрые и последние советы. . .» следует понимать так же, как и «Трактат царей» Н. Махиавелии. А читатель века Просвещения понимал, что сочинение, подобное маккиавеллевскому «Государю», широко известному в XVIII веке, будет излагать принципы политики, основанной на лжи, обмане, вероломстве, жестокости, измене, клятвopеступлении, терроре. И «Предисловие издателя» не обманывало читателя — «Завещание» было выдержано в духе классического маккиавеллизма.

Как уже говорилось, автор «Завещания» вложил все свое мастерство, чтобы вжиться в создаваемый им образ, стремясь абсолютно точно передать мысли «идеального» деспота, полностью имитируя при этом тон русской императрицы. Поэтому нельзя отождествлять оценки, данные французской революцией в «Завещании», с оценками самого Маршала. Если императрица отрицательно оценивает революцию во имя сохранения абсолютизма и феодального строя, то Маршалль критически относится к ней во имя уничтожения абсолютизма, Союзом имя грядущей, настоящей революции, которая даст народам одлинное равенство. Эти две позиции сложно переплетаются в

кани произведения и вычленишь, разделить их не представляется возможным. И, наконец, последнее. XVIII век можно было бы назвать веком мистификаций. Тон в этом отношении задавал, пожалуй, тот же Вольтер. Биограф и исследователь творчества Вольтера К. Н. Державин так писал по этому поводу: «„Задиг“ сочинен неизвестным халдейским автором и переведен на персидский язык с посвящением султанше Шераа — мадам де Помпадур — неким Саади; „История путешествий Скарментадо“ изложена самим героем повествования; „Кандид“ переведен с немецкого и написан почтенным доктором Ральфом, умершим в 1759 г.; „Простодушный“ приписан отцу Кенелю, а затем монарху — врагами, которые не гнушались никакими средствами для расправы с носителями новых идей. Мистификации Вольтера были направлены на то, чтобы дезориентировать противника, наносить ему удары отовсюду, оставаясь самому неуязвимым. Маршалль в этом отношении оказался достойным продолжателем дела Вольтера. «Завещание» Екатерины II — несомненно, самостоятельное произведение в книге — является блестящим образцом историко-литературной мистификации, ратущим абсолютизм, выносящим суровый приговор феодально-монархической деспотии.

¹² Державин К. Н. Цит. соч., с. 286—287.

ГЛАВА IV

СУДЬБА «ЗАВЕЩАНИЯ» В РОССИИ

Тема «Маршалль и дореволюционная Россия» еще жд своего исследователя. О том, что эта тема имеет право на существование, свидетельствуют, в частности, факты, говорящие о знакомстве русской общественности первой четверти XIX века с некоторыми произведениями Маршалля, приведенные в книге «Очерки из истории движения декабристов». К примеру, окончательно развеяны легенды, существовавшие в литературе по поводу следующего четверостишия, широко представленного в рукописных списках первой четверти XIX века:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столба
Книшкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Это четверостишие без всякого основания под разными головками («С французского», «Подражание Мирабо», «Подражание Дидероту») с измененной иногда первой строкою («Наш род мы русский позабавим») в некоторых сборниках произведений декабристской поры приписывалось Пушкину. На самом деле это переложение в стихи прозаической концовки знаменитого «Завещания» Жана Мелье, и принадлежит оно перу Маршалля.¹

Удалось обнаружить и первое упоминание о Маршалле, сделанное в 1816 году известным библиографом В. С. Сопиковым, который раскрыл тогда в «Опыте российской библиографии» имя автора «Путешествия Пифагора». Там же было показано, что «Правила питагоровой секты», описанной в книге Маршалля, были использованы членами тайной декабристской ор-

ганизации Общества соединенных славян при составлении устава общества.³ Справедливо и указание на то, что единственным источником сведений о Сильвене Маршалле в русской печати дореволюционной поры являлась заметка о нем в «Философском лексиконе» С. Гогоцкого (т. III. Киев, с. 381—382). Характеристика Маршалля дана была здесь с церковно-охранительных позиций.⁴

К сожалению, некоторые сведения о Маршалле, приводимые в рассматриваемой книге, страдают неточностью. Так, сообщая, что за год до смерти Маршалль заканчивает свою последнюю большую работу — «Историю России», почему-то указывается, что книга излагает русскую историю от Рюрика до Екатерины II включительно. Между тем, как мы уже установили, перед Рюриком Маршалль помещает правление «первого русского князя Обрина». Кроме того, справедливо отметив, что книга эта является большой редкостью, делается неточное утверждение, что она русской историографией не учитывалась.⁵

Во-первых, С. С. Ланда, ссылаясь на польского исследователя Г. Батовского, указал, что «в курсе лекций о славянских литературах» к «Истории России» обращался Адам Мицкевич.⁶ Во-вторых, то, что автором «Истории России» является Маршалль, с 1851 года известно русской библиографии. Каким образом?

В указанном году тогдашний директор Публичной библиотеки Модест Андреевич Корф издал «Материалы к проекту Полного каталога сочинений о России, на всех иностранных языках издаваемых». На титульном листе книги сообщалось, что эти «Материалы» были «напечатаны, с высочайшего разрешения, от Императорской Публичной библиотеки, в виде манускрипта, для нужных дополнений и исправлений». Назначение издания, как указывал в предисловии Корф, «облегчить, для любителей отечественной истории, возможность припомнить (курсив мой. — Г. Л.) книги, относящиеся до России, руководствуясь заглавиями, полными или приближенными, иногда и одними указаниями на заглавия книг по сей части, а равно исправить и дополнить их». Каков был тираж этого издания? Как Корф представлял себе сбор сведений о книге? Ответы на эти вопросы тоже можно было найти в предисловии: «Настоящий список, рассылаемый конфиденциально, в виде манускрипта и в самом лишь небольшом количестве экземпляров, нашим ученым обществам и частным ученым, напечатан, для большего им

³ Там же, с. 474—477, 501—504, 506—515.

⁴ Там же, с. 480.

⁵ Там же с. 483.

⁶ Ланда С. С. У истоков «Оды к юности» — В кн.: Литература славянских народов, вып. 1 М., 1956, с. 20.

¹ Очерки по истории движения декабристов М., 1954, с. 481.

² Там же, с. 493.

удобства в отметках и поправках, на писчей бумаге» (с. IV). К сожалению, нам не удалось выяснить, присылали ли «ученые общества и частные ученые» свои отметки и поправки в Пустичинскую библиотеку. Вероятней всего, присылали. Зато по эскизу землемера, оставленному Корфом для себя (ГПБ, Отдел рукописей, ф. 380, архив Корфа, д. 27), видно, что сам составитель «Материалов» внес в них множество поправок, уточнений и исправлений. Здесь на странице 135 под номером 1512 помещена «История России», против которой на левом, чистом листе помечено рукой Корфа: «1512 (Sylvain Maréchal)». Известно, что Корфу и второе издание книги — 1807 года.⁷ Скорее всего именно из «Материалов» сведения о принадлежности «Истории России» Маршалю попали впоследствии в каталоги отдела «россики» Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Приведенными данными и исчерпываются, к сожалению, сведения советской историко-литературной науки о распространении произведений Маршала и о знакомстве с его жизнью дореволюционной России. Выявленные в архивах автором данной работы рукописные списки «Завещания Екатерины II» — произведения, как это было показано ранее, принадлежавшего перу Маршала, — думается, позволят в определенной мере расширить тему «Маршал и Россия». К настоящему времени списков «Завещания», найденных и обследованных *de visu* насчитывается три. Что можно сказать о каждом из них?

В Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина хранится рукописный список «Завещания»,⁸ который дается в Приложении I к настоящей работе. Список занимает 10 листов, размера F°. Почерк достаточно разборчивый, но писарским его, пожалуй, назвать нельзя. Текст написан по-русски на простой писчей бумаге, не имеющей филигранный узор. Поскольку рукопись датировки не имеет, встает вопрос о времени ее создания.

Вне всяких сомнений, протографом данного списка является текст из маршалевской «Истории России». Об этом свидетельствует наличие в списке обеих композиционных частей книги, т. е. «Предисловия издателя» и собственно «Завещания», идентичных копировок («Окончание отсутствует»), сохранение русским переводчиком двух подстрочных примечаний оригинала («На сейме в полном собрании...» и «Ежели ваш девиз печала...»). Дату, ранее которой список не мог появиться на свет, к сожалению, можно определить лишь ориентировочно на основании лексико-фразеологических особенностей списка.

⁷ Наряду с русским титульный лист издания Корфа имел и немецкое название: «Materialien zum Versuche eines Katalogs sämmtlicher ueber Russland in fremden Sprachen erschienenen Werke». St. Petersburg, Gedruckt bei C. Wienhöber, 1851.

⁸ ГПБ, отд. рук., ф. 178, арх. Геннади Г. Н., д. 27, л. 1—10.

Некоторые лексические особенности списка позволяют прийти к заключению, что он возник не ранее начала XIX века. Так употребляемое в списке слово «демагогия» заимствовано французского языка в начале XIX века.⁹ В это же время слово вошло в русский язык из того же источника и слово «дипломатия» (в смысле «дипломатия»).

К числу общих стилистических особенностей списка следует отнести то, что его автор, очевидно, человек хорошо знакомый со слогом 90-х годов XVIII века, при переводе с французского стилизовал текст в духе речи екатерининской поры. К средствам экспрессивной окраски текста относятся синтаксические приемы, ставшие архаизмами общекнижного языка еще в конце XVIII века, например, частые в списке случаи употребления прилагательных в постпозиции, что делает речь патетической («красками самыми отвратительными», «нововодителей политических», «добродетели общественные и семейные», «названия самая пышная», «трубы похвальные», «дела самовольны и тиранические» и т. д.).

Указанные выше фразеологические средства стилизации списка крайне затрудняют установление, если можно так выразиться, «верхней» датировки произведения. Ориентируясь на них, можно лишь прийти к заключению, что список допустимо отнести к допушкинской поре развития литературного языка, т. е. к первой четверти XIX века. Этот вывод напрашивается при изучении лексического состава текста. В списке можно найти слова, еще бытовавшие в первые два десятилетия XIX века в русском литературном языке, но позже вышедшие из употребления. К ним относятся: «рассеивать» («но я умела их все рассеивать»),¹¹ «особливо», «нежели»,¹² «надобно».¹³ Совершенно невозможны случаи употребления в языке пушкинской поры

⁹ Этимологический словарь русского языка, под ред. Н. М. Шанского, т. 1, вып. 5 (Д, Е, Ж). М., 1973, с. 63. — Употребляемое в списке слово «демагог» заимствовано в конце XVIII века. Загадочным представляется употребление слова «демагогство», не фиксируемое словарями даже значительно позднее.

¹⁰ Там же, с. 126.

¹¹ Ср. Левин В. Д. Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. Лексика. М., 1964, с. 324.

¹² Там же, с. 394. — Правда, «особливо» и «нежели» бытовали в языке на протяжении первой половины XIX века, но со второй четверти столетия они из разряда книжных переместились в разряд разговорных слов.

¹³ Там же, с. 397. «Надо», — пишет здесь В. Д. Левин, — встречается в литературе XVIII и начала XIX века исключительно редко и только в «низком» стиле (например, у Фонвизина — только в репликах Вральмана и Цифиркина), несколько раз в ранних комедиях Грибоедова. Любопытно, что Крылов, правя свои басни, заменяет «надо» на «надобно». У Пушкина «надо» употребляется несколько шире, чем у его предшественников, но все же намного реже, чем «надобно» и «нужно», и при этом сохраняя, очевидно, оттенок разговорности. — В рассматриваемом списке «Завещания» употребление слова «надобно» сохраняет явно книжный характер, т. е. типично для языка первой половины XIX века.

таких слов, как «достательный» и «бесстыдничество». Итак, сделанные наблюдения позволяют датировать рассматриваемый список первой четвертью XIX века. Хотя подобная датировка далека от точности, она все же позволяет сделать некоторые выводы общего характера.

Прежде всего стоит отметить, что время появления списка было периодом, в который, по свидетельству П. Н. Беркова, «был официально прокламирован культ Екатерины, «мудрой», «либеральной», «великой». По любому поводу покойная императрица неумеренно восхвалялась, притом в такой форме, что большая доля лучей этой славы освещала Александра. Постоянное прославление Екатерины II, продолжавшееся четверть века, сделало свое дело: создалась прочная концепция «блистательного» во всех отношениях царствования Екатерины II.¹⁴ По наблюдениям Беркова, не только официальные круги отдали дань этому славословию. «Греч, Бестужев, Н. Полевой, Вяземский и даже молодой Белинский в „Литературных мечтаниях” превозносили Екатерину II как государственного деятеля и истинную покровительницу русской литературы».¹⁵ Между тем маршалевское завещание рисовало Екатерину отнюдь не либеральным монархом и покровителем литературы. Поэтому для перевода подобного произведения требовалось большое мужество. Не меньшим мужеством, пожалуй, должен был обладать и человек, хранивший рукопись в своем собрании.

Кто был первым владельцем списка нам, к сожалению, установить не удалось. То, что рукопись в конце концов попала к Г. Н. Геннади, знаменательный во многих отношениях факт. Дело в том, что известный библиограф Григорий Николаевич Геннади (1826—1880), может быть, как никто другой в его время изучил Екатерину II и как личность, и как государственного деятеля. В 1855 году Геннади удалось познакомиться с собранием библиотеки Эрмитажа, где он, по его словам, «порылся в рукописях» Екатерины II.¹⁶ Кроме того, Геннади готовил к печати записки А. В. Храповицкого, вышедшие в свет в 1862 году. Ему же принадлежит перевод и издание «Записок графа Сегюра о царствовании Екатерины II» (1865). А Сегюр, как известно, долгое время был французским послом в Петербурге и имел возможность хорошо изучить Екатерину II. Таким образом, то, что Геннади приобрел «Добрые и последние советы...» для своего собрания, говорит о значении, которое он придавал этому произведению.

По всей вероятности, Геннади не был известен протограф приобретенного им списка. Иначе в силу педантизма библиографа он сделал бы на списке соответствующие пометы. Кста-

¹⁴ Берков П. Н. Введение в изучение истории русской литературы XVIII в., ч. I. Очерк литературной историографии XVIII в. Л., 1964, с. 45.

¹⁵ Там же, с. 44—45.

¹⁶ ГПБ, отд. рук. ф. 178, арх. Г. Н. Геннади, д. 8, л. 35 об.

ти, отсутствие подобных помет заставляет нас выдвинуть предположение о существовании списка-посредника между маршалевским «Завещанием» и рукописью из фонда Геннади. Так ли это, возможно, выяснится в будущем.

Следующий рукописный список «Завещания» выявлен нами в рукописном отделе Библиотеки Академии наук УССР (Киев). По сведениям, любезно представленным заведующим рукописным отделом Н. П. Визирем,^{*} рукопись имеет шифр 467/591с, занимает 11 листов размером F^o и входит в большой сборник из списков и копий ранее опубликованных материалов. Сборник состоит из 705 листов. Переплетен он был в 1825 году. По словам Визиря, документ написан на бумаге голубого цвета, изготовленной в первой четверти XIX века. Текст писан писарем с правками и дописками на русском и французском языках. Возможно, правки эти сделаны Евгением Болховитиным. Расположен этот документ на листах 464—474. Что можно сказать в дополнение к сведениям Н. П. Визиря?

Прежде всего из пометы на листе 464 явствует, что рукопись является переводом из «Истории России». Следовательно, списки-посредники в данном случае отсутствуют. Не вызывает сомнений *terminus post quem* списка — 1825 год. Если верно соображение Визиря о том, что правки и дописки сделаны Евгением Болховитиным, то возможно также выдвинуть предположение, что перевод сделан не ранее 1822 года, поскольку именно в этом году Болховитинов был назначен киевским митрополитом.

Причастность киевской рукописи к среде духовенства несомненна. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что в ней вместо слова «попы» употребляется слово «духовенство» в отличие от списка из фонда Геннади. Характерно также, что в киевском списке полностью отсутствуют подстрочные примечания, что значительно смягчает отрицательную оценку личных качеств Екатерины II.

Исходя из шифра рукописи 467/591с можно предположить, что это тот список, которым в 60-е годы XIX века пользовался Ф. А. Терновский: ведь он сообщал, что рукопись киево-софийской библиотеки имеет номер 591. Поскольку рукопись перемещалась (вероятней всего в советское время) из монастырского хранилища в другой архив, то к первоначальным цифрам могли добавиться и последующие грифы, т. е. «с» и «467». Следовательно, наше предположение было допустимым. Однако сопоставление отрывков «Завещания», опубликованных в 1868 году Терновским, и киевского рукописного списка привело нас в недоумение: текстологически между ними оказалось весьма отдаленное соответствие. Вот три примера, выбранные в произвольных местах.

^{*} Я искренне признателен Николаю Петровичу за помощь в выявлении списка и сообщенные о рукописи сведения.

I. Родительница твоя Всероссийская императрица не будет уже в живых, когда ты будешь читать это писание. Моя последняя воля состоит в том, чтобы оно было доставлено тебе тотчас после моей кончины (с. 129).

II. Женевский философ, один из философов моего века оставшийся нечувствительным к моим благодеяниям, разве не доказал в своем прекрасном рассуждении, как успехи в науках могут быть вредны развитию нравственности? Жан-Жак прав (с. 130).

III. Кто мог бы подумать, чтобы французский народ, столь умный, пришел до той степени без чувства и самоубрежения, чтобы преклониться под грязное и кровавое иго, стократно тягчайшее того, которое он носил столько веков (с. 133).

С одной стороны, даже по приведенным отрывкам можно заметить, что черты сходства между текстом Терновского и рукописью присутствуют. С другой стороны, прямо-таки невероятное количество разночтений заставляет усомниться: а этим ли списком пользовался Терновский? Если публикация отрывка «Завещания» была сделана по найденному списку, то Терновский сделал совершенно недопустимую для ученого вещь, значительно изменив и исправив по собственному «вкусу» архивный документ. Сопоставление отрывка и рукописи заставляет сделать вывод, что Терновский сознательно пригладил и модернизировал текст рукописи. К тому же, опуская слишком опасные, с его точки зрения, места, он никак не указывал при публикации на пропуски. В публикации Терновского, например, сохранена фраза: «Мне нужно было прикрыть некоторые слабости» (с. 132), но отсутствует следующее за ней в рукописи предложение: «Какое дело управляемым, когда они благополучны, до частного поведения управляющих ими» (л. 467). Еще характернее такой пропуск. «Помни, — обращается „Екатери-

I. Родительница твоя все-российская императрица не будет уже в живых, когда достигнет до тебя сие писание. Последняя моя воля состоит в том, что б оно доставлено было тебе тотчас после моей кончины (л. 464 об.).

II. Один философ мудролюбца моего века, может быть один оказавшийся нечувствительным к моим ласкам, Женевский медведь, не доказал ли в прекрасном своем рассуждении, сколько успехи наук вредны успехам нравов? Жан-Жак прав (л. 465 об.).

III. Кто мог бы подумать, чтобы сей французский народ, столь умной, пришел до той степени без чувства и самоубрежения, чтобы представить себя преклонившимся под игом окровавленным и оскверненным тиною, стократно тягчайшим того, которое он носил столько веков (л. 468 об.).

на" к Павлу, — что царь есть Бог на земле: а Бог не терпит прекословия. Он рече и быть. От помазания очей твоих да трепещет злодей! Итак ты всегда будешь владыкой твоих царедворцев, как я была владычицею моих» (л. 467 об.).

Руководствовался ли Терновский какими-нибудь мотивами при переработке произведения? Да, такие мотивы у него были. Хотя, как уже было показано, он и сомневался в подлин-

ности завещания, есть основания полагать, что ему хотелось бы, чтобы произведение было подлинным. К этому убеждению приходишь, вникая в «идейный» смысл его статьи «Русское вольнодумство при императрице Екатерине II и эпоха реакции».

Терновский признает, что в первый период своего царствования — до начала французской революции — русская императрица была «заражена» идеями просветителей. Она переписывалась с «вольнодумцем» Вольтером, она позволяла себе довольно смело судить о служителях церкви. Правда, уточняет автор статьи, это были служители католической церкви, а своих, православных, императрица даже защищала. В оценке умеренности «вольномыслия» Екатерины Терновский безусловно прав. Но и подобная умеренность у этого ученого не вызывает одобрения: он считает ее чем-то вроде временного помрачения. Эпоха реакции, вызванная событиями революции во Франции, согласно концепции Терновского, знаменовала собой выздоровление русского общества, выздоровление императрицы. Сокрушаясь по поводу того, что Екатерина, не разобравшись в чем дело, расправилась с кружком Н. И. Новикова, Терновский тем не менее одобряет карательные меры императрицы по отноше-

нию к А. Н. Радищеву и Я. Б. Княжнину. Недовольство Екатерины II Г. Р. Державиным по поводу создания показавшей ей крамольным переложения псалма 81-го Терновский считал недоразумением, счастливо разрешившимся после объяснения Державина и императрицы. В концепции Терновского (для «оздоровления» общества нужны «сильные» меры) не хватало одного звена — разработанной императрицей теории этих «сильных» мер и осуждения ею «безумств» французских революционеров. Правда, отдельные замечания Екатерины по этому поводу Терновский нашел в «Записках» А. В. Храповицкого. Но набралось не так уж много, да и каждое из них было вызвано каким-то отдельным случаем. Все эти замечания в стройную теорию не укладывались. Сослаться на мнение последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова, создававшего проект «записки» для борьбы с французской революцией, было не вполне убедительно. Таким образом, рукопись «Завещания» оказалась весьма кстати. Терновского в ней привлекали и идеи обуздания общества, и осуждение «взбунтовавшейся» Франции. Конечно, в «Завещании» попадались слишком уж опасные места вроде приведенных выше. Их Терновский либо приглаживает, либо вовсе изымает. Зачем нужно было проделывать такую сложную и неблагодарную, на первый взгляд, работу? — Ответ на этот вопрос дают первые же строки Терновского: «Не так давно в русской литературе и в русском обществе господствовали занесенные с запада социалистические и материалистические идеи, по отношению к существующему порядку вещей враждебные и отрицательные. 4 апреля 1866 года ясно показало всему русскому миру разрушительность модных идей и обозначило собою поворот в мнении русского правительства и общества и вполне законную реакцию против вредного нигилизма. Как ни молодо русское общество, но не в первый раз оно переживает подобный кризис. Во второй половине прошлого столетия, в царствование импер. Екатерины II-й, также господствовала на Руси модная отрицательная философия и также господство ее кончилось, когда ход событий доказал ее разрушительность. Не безинтересно будет в настоящее время припомнить эту эпоху из недавнего минувшего, имеющую такое близкое сходство с настоящим».¹⁷

Таким образом, вовсе не безобидные манипуляции проделывал реакционер профессор духовной академии Терновский с «Завещанием». Каракозовский выстрел обеспокоил и его. Терновский вполне одобрял закрытие журналов «Современник» и «Русское слово» — органов революционной демократии. Он бесспорно приветствовал и введение «правил» 26 мая 1867 года, отдававших университетскую молодежь под двойной надзор — университетского начальства и полиции. Он включился в кам-

¹⁷ Труды киевск. духовн. акад., кн. 1. К., 1868, с. 401.

панию драконовских мер, подсказывая публикацией отрывка «Завещания»: вот как «мудрая» Екатерина представляла се- удушение и обуздание общества.

Характерно, что статья Терновского была замечена редакцией махрово реакционного журнала В. Аскоченского «Домашняя беседа», в котором «с незначительными сокращениями» (коснувшимися отрывка «Завещания») и была перепечатана

И наконец, последний — третий — рукописный список «Завещания». Он хранится в рукописном отделе ГПБ в неразобранных делах Н. К. Шильдера (ф. Шильдера, картон 24, д. 1, л. 30—40). Чем интересен этот список? Он написан по-французски рукой Шильдера и, как явствует из помет на титуле и листе 31, является копией списка, к сожалению, нами не обнаруженного, имеющего следующий гриф: Отд. Секр. № 1
BLA

(см. рис. 4). Датировать шильдеровский список можно ориентировочно самыми последними годами XIX века. При сопоставлении его с маршальским «Завещанием» (текстологическое сопоставление выполнено Е. Б. Савченко-Осмоловской) можно заметить следующее:

I. Наличие пропусков в рукописи (их около 10). Некоторые из них можно объяснить определенным отношением переписчика рукописи к предполагаемому автору завещания. Примерами пропусков такого рода являются: исключение слов *très cher* (дорогой, милый) в обращении (с. 361),¹⁸ отсутствие ссылки 2 на с. 369, в которой говорится, что взятие Праги стоило жизни 20 тыс. людей, убитых русскими солдатами; отсутствие ссылок о дате смерти Екатерины II (с. 363) и о намеренном вооружении украинцев и белорусских крестьян православного вероисповедания для борьбы с польской унией (с. 364). Другие пропуски случайны: пропущено *jusque* (с. 372, 5-я строка сверху), *à leur propres forces* (с. 373, 3-я строка сверху), *de* (с. 376, 11-я строка сверху), *vous* (с. 382, 8-я строка сверху), *personne* (с. 386, 19), *mal* (с. 365, 1).

II. В рукописи имеется ряд вставок, которые можно рассматривать как стилистические. Они вызваны различными причинами: а) почтительным отношением к предполагаемому автору «Завещания» объясняется вставка слова *caractère* в словосочетание *l'aigle généreuse* (с. 362, 24); б) стремлением более резко выразить презрение к событиям французской революции — вставка *ceux de* в фразу: *le portrait de tous ceux de ces démagogues*. В книге эта фраза выглядит так: *le portrait de tous ces démagogues* (366, 12). Теми же мотивами вызвана вставка гла-

¹⁸ «Домашняя беседа», 1868 № 35—45, с. 822—828, 843—850, 864—870, 889—896, 930—935, 952—955, 969—971, 992—997, 1022—1029, 1051—1053, 1074—1079.

¹⁹ Страницы указаны по «Истории России».

гола se trouve в фразе: *et il n'y a pas de pays où il se trouve et se fasse des fortunes plus monstrueuses, plus révoltantes...* В книге: *et il n'y a pas de pays où il se fasse des fortunes plus monstrueuses, plus révoltantes.* (381, 11); в) желанием подчеркнуть материнскую фамильярность к царственному сыну можно объяснить вставку *vous* в фразу: *n'ayer de popularité que ce qu'il vous en faut pour*. В книге эта фраза звучит так: *n'ayer de popularité que ce qu'il en faut pour...* (375, 6); г) вставка в рукописном экземпляре в фразу: *Le sang-froid, dans les grandes crises politiques, est le caractéristique d'un prince* словосочетания *dans les circonstances importantes* несколько смещает акцент всей фразы, подчеркивая, что политические кризисы не являются единственной сферой, где требуется хладнокровие государя.

III. В рассматриваемых текстах имеется ряд разночтений. Некоторые из них имеют стилистическое значение, толкование которого производить опасно ввиду возможной переоценки отношения переписчика к предполагаемому, мнимому автору «Завещания».

Книга

Рукопись

les citoyens doivent tout faire pour le prince et la patrie (382, 21).

Je vous dois des conseils comme mère, comme impératrice et sur-tout comme contemporaine d'une revolution politique (362, 363)

...depuis plusieurs années ne le confirme que trop (364, 11).

de cette revolution me donna, j'en fais l'aveu, quelques inquiétudes (371, 25).

qui n'a pour chef qu'un honnête homme (378, 12).

Il n'est pas bon que vous laissez (373, 22).

...la legislation criminelle de l'imperatrice Elisabeth ne vous en imposera pas (386, 17)

gouverner les peuples... (386, 24)

les citoyens doivent fair pour le prince et la patrie tout ce qui et en leur pouvoir.

Je vous dois des conceils comme mère. Je vous en dois comme Impératrice et sur tous comme contemporaine d'une révolution politique.

depuis plusieurs années ne le prouve que trop.

de cette revolution me donna, je l'avoue quelques inquiétudes...

...qu'un homme honnête.

Il n'est plus bon...

la legislation criminelle ne vous en imposera pas de l'imperatrice Elisabeth...

gouverner les hommes...

Сравнение текстов обнаруживает целый ряд грамматических расхождений. Так, вместо *passé simple* книжного текста: *et de*

Louis XVI, qui les conduisirent (370, 6) в рукописи употребляется passé composé: et de Louis XVI, que les ont conduits; вместо passé simple: s'en retournèrent (385, 27) в рукописи употребляется imparfait: s'en retour(n)aient; вместо passé simple в книге: ne contribua pas (386, 2) в рукописи употребляется présent indicative: ne contribue pas.

Много отличий в написании отдельных слов. В некоторых случаях можно проследить закономерность. Так, сочетанию *en*, употребляемому в книге, в рукописи соответствует *ai*, что указывает на более позднее время переписки (примеры: *fois — fais, fermoit — fermait, connoissance — connaissance*).

Какие выводы можно сделать на основании текстологического сопоставления шильдеровского списка и текста «Завещания» Маршала?

Прежде всего очевидно, что «История России» не была известна Шильдеру. Можно предположить также, что некоторые из отмеченных разночтений и вставок не принадлежат Шильдеру, а являются особенностями оставшегося неизвестным нам списка. Если это так, то, вероятно, неизвестный список должен был бы, судя по особенностям орфографии, появиться не ранее второй половины XIX века.

Несколько слов о владельце рукописи. Николай Карлович Шильдер (1842—1902) долгое время был военным. Участвовал в Крымской войне, в 1886 году в чине генерал-лейтенанта был назначен директором Николаевской инженерной академии. С 1872 года Шильдер начинает заниматься русской историей, публикуя ряд статей, связанных с военным прошлым России («Война России с Турцией в 1829 году», «Война с польскими инсургентами в 1831 году», «Кутузов в 1812 году», и др.). Особый интерес у Шильдера-историка вызывали лица императорской фамилии. Его перу принадлежат обширные жизнеописания Павла I, Александра I, Николая I. В 1889 году Шильдер становится директором Петербургской императорской Публичной библиотеки.

Близость Шильдера к некоторым членам царской семьи давала ему возможность пользоваться такими архивами и архивными материалами, которые для других были недоступны. Это обстоятельство делает его труды важными по фактическому материалу и в настоящее время. Что касается списка «Завещания», то, судя по всему, Шильдер намеревался использовать его в своей обширной монографии «Император Павел Первый. Историко-биографический очерк», вышедший из печати в 1901 году. Чем можно мотивировать подобное утверждение? Дело в том, что в картоне № 24, где хранится «Завещание», собраны подготовительные материалы для написания главы о смерти Екатерины II. Это явствует из следующей пометы на листе втором, носящем заглавие:

«Екатерина II.

Кончина ее.

Копии писем и выписки из мемуаров того времени, а также копия с завещания императрицы Павлу I.»

Почему же «Завещание» не появилось в шильдеровской монографии? Ответ на этот вопрос дал близкий друг Шильдера редактор журнала «Исторический вестник» С. Н. Шубинский, заметивший, что Николай Карлович не имел возможности исчерпать все документы «по не зависящим от него обстоятельствам».²⁰ Несомненно, что рука цензора изъяла из монографии Шильдера «Завещание».

Подводя итоги изучения судьбы маршалевского «Завещания» в России, можно сделать следующие выводы:

I. Исключительно умело мистифицированное произведение Маршала приобрело в России, если можно так выразиться, второе звучание. Обращает на себя внимание тот факт, что его владельцы — люди, хорошо изучившие личность и деятельность Екатерины II. И Шильдер, и Терновский, и Геннади, и, возможно, Евгений Болховитинов, по-видимому, не подозревали, что автором произведения является Маршал, и, колеблясь, склонялись к мысли о принадлежности «Завещания» Екатерине II.

II. Выявленными нами тремя списками не исчерпывается, бесспорно, количество копий «Завещания». Уже сейчас к ним можно приплюсовать список, с которого снял копию Шильдер. Найдутся, возможно, в архивах и другие списки. Думается, их число не может быть очень большим: документ, в котором Екатерина II представала деспотом и душителем мало-мальски свободолюбивой мысли, вряд ли мог иметь широкое распространение в рукописях. Слишком рискованно было знакомить многих людей с таким опасным произведением. Тем более — давать его переписывать. Таким образом, значение произведения Маршала трудно переоценить. Оно выразительно подчеркивается теми списками, с которыми мы только что познакомились.

III. Использование Терновским отрывка «Завещания» показало, что произведение Маршала, вырванное из контекста «Истории России», имело в тот период важное историко-публицистическое значение. Погаенная судьба «Завещания» на русской почве не позволяет на данном этапе с достаточной глубиной раскрыть его роль в истории общественного движения и мысли на протяжении XIX века. Слишком мало данных мы

²⁰ Некролог Н. К. Шильдера. — «Исторический вестник», 1902, май, с. 663.

пока имеем, о многом можем только догадываться. Но даже те сведения, которыми мы сейчас располагаем, позволяют судить о том, что «Завещание» помимо историко-публицистического имеет и историко-литературное и культурно-историческое значение, представляет интерес как документ истории общественно-политической мысли, приоткрывает неизвестную до сих пор страницу русско-французских и франко-русских взаимосвязей.²¹ Более полное раскрытие всех аспектов значения «Завещания» — задача будущего.

²¹ Показательно использование «Завещания» в исторической повести Н. И. Рыленкова «На старой Смоленской дороге», выпущенной в 1961 году Смоленским книжным издательством. В одном из эпизодов повести два героя — Иван Григорьевич Морозов, высланный из Москвы в Смоленск «по делу известного масона и государственного преступника Новикова» и его ученик Юрий Журавский — беседуют о маршалевской «Истории России», автор которой им неизвестен. Из разговора выясняется, что обоим главным образом заинтересовало «Завещание». Цитируемый автором повести отрывок «Завещания» восходит все к той же публикации Ф. А. Терновского, а рассуждения об его возможном авторе — к высказываниям Г. П. Макогоненко. Об идейной значимости «Завещания» один из участников диалога Иван Григорьевич Морозов отзывается так: «Не могу сказать, писала ли покойная императрица это завещание, но думала и поступала она именно так, как говорится в нем. Она ведь была ученицей не столько Вольтера, сколько Махиавеля. Вспомни-ка судьбу Радищева и Новикова» (см.: Рыленков Н. И. На старой Смоленской дороге. Смоленск, 1961, с. 11—12). Характерно, что Морозов и Журавский — представители прогрессивных слоев русского общества — верно уловили идейный смысл «Завещания». Использование Рыленковым произведения Маршала — еще один пример того, что и в наши дни оно продолжает жить сложной жизнью, привлекая к себе внимание как документ общественно-политической мысли конца XVIII века.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

ДОБРЫЕ И ПОСЛЕДНИЕ НАСТАВЛЕНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II ПАВЛУ I-МУ НАЙДЕННЫЕ МЕЖДУ БУМАГАМИ ИМПЕРАТРИЦЫ РОССИЙСКОЙ ПОСЛЕ ЕЯ СМЕРТИ*

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Один русский литератор, находящийся в службе при дворе Петербургском, доставил нам копию Императорского Манускрипта, добытого им с великим трудом. Важность предмета, великий характер общественный Автора, обстоятельства времени и постоянная дружба нас связующая, вопреки разстояниям, решили его на сей смелый поступок. Он заранее укрыл себя от произшествий.

Люди слабые отсоветовали нам публиковать перевод сего монумента тайной дипломатии Российской; но мы вспомнили перепечатание Трактата Царей N. Махиавелем.

Мой достойнейший, почтеннейший и любезнейший сын!

Ваша мать, самодержица всей России уже не будет существовать когда сие начертание достигнет вас. Моя последняя воля чтобы оно было вам вручено тотчас по моей смерти.

Я оставляю вам наследие самое пространнейшее в Европе, как и самое блистательное. Моя кровь текущая в ваших жилах, должна бы меня успокоивать достаточным образом; но нежные попечения всегда оказываемые мною моим народам, и отчет который я должна отдать Провидению, оказывающее мне неслыханную благосклонность кажет[ся] требует от меня чтобы я передала в руки ваши сии мудрые советы, плоды долгой и счастливой опытности. Я царствовала, могу сказать со славой и справедливостью и уношу с собою в могилу достойное убеждение, что я доставила моим поданным ту степень счастья и свободы, к которым они были способны и которых им нельзя было во зло употребить для своей и моей пагубы. Петр Великий, мой почтеннейший и вовеки славный предшественник был Ромулом России; я полагала обязанностью своею быть для нее Нумой, столько сколько позволили обстоятельства. Петр I

* Немногочисленные пропуски текста, выявленные в данном списке, даются в квадратных скобках. Также исправляются и опуски рукописи. Арабскими цифрами и значком «*» воспроизведены сноски С. Маршала. Римскими цифрами обозначены отсылки к комментарию.

положил истинные основания Российской Империи, Екатерина II соорудила здание и украсила его: Павел I призван чтоб его угвердить. Сын мой! надобно чтобы престол на котором вы меня замените, возбудил удивление, восторг и благодарность Европы и всей вселенной. Вы довершите произведение вашей матери, я льщусь мыслю, что переживу себя в моем сыне. Орел Великодушный не производит на свет робкаго Воробья.

Я должна подавать вам советы, как мать, как Императрица и особенно как современница Революции Политической отдаленной, могущей нас настигнуть, ежели не остановить гигантские шаги, уже совершенные [в] продолжение семи лет.¹ Более нежели когда нибудь, сын мой! искусство царствовать становится трудным, более нежели когда нибудь корона будет привлекать бури. Но я умела их всех рассеивать. Научитесь от меня науке соглашать народные бури; предупреждайте их внешними войнами. Все будет вам позволительно, доколе оружие ваше останется победоносным.

В веренище писателей привлеченных в мой двор, я иногда встречала добрых советов; я узнала от моих ученых (в оригинале подчеркнуто. — Г. Л.), что древний Египет, в самую цветущую свою Эпоху, закрывал входы своих портов и границ, всем Иностранцам, и что сие самое способствовало к приобретенному ему названию Мудраго (в оригинале подчеркнуто. — Г. Л.).

Сделайте тоже как добрый отец семейства, допускающий в дом свой только то, что кажется ему полезным, для детей его, блюдите, чтобы ни единая книга, ни единая Газета, даже карикатура не входила в Россию без вашего позволения. — Народ хорошо управляемый не должен иметь иных мыслей кроме мыслей своего Царя. Подданные ваши не должны преобретать других познаний, кроме одобренных вами; Вы одни знаете степень просвещения им нужную. Для собственного их спокойствия и для вашего не надобно, чтобы они были излишне ученые, или научены рано: Вам решать это: философ моего времени, единственный, может быть, оказавший нечувствительность к моим ласкам, медведь Женевский, не доказал ли в превосходной речи, сколько успехи наук вредят нравственности?² Жан-Жак прав; и происшествия многих годов подтверждают это. Нельзя владеть народом по воле своей разсуждающим. Без их благоговения к св. Николаю, и преданности к моей особе, мои солдаты не заставили бы бледнеть полумесяц и не избавили бы меня [от] республики Польской.² Устройте при каждой думе вашей Империи, строгую Цензуру книгам входящим из чужих стран. Я могла бы назвать вам книги причинившия Правитель-

[¹ Екатерина умерла 9 ноября 1796 года.]

[² Делает ли Екатерина Великая нарек на тех торговцев, которые, без сомнения, получив тайную инструкцию, продавали за бесценок сабли польским крестьянам православного вероисповедания для борьбы за победу разобщенной православной религии, главой которой является русское самодержавие?]

ству более вреда нежели потерянное сражение или завоеванная область. Я знаю писателей, я призывала их к себе, чтобы их видеть более в близи. Страшитесь, чтобы они не составили царство среди царства. Ежели бы, слабый и несчастный Людовик XVI не подверг себя неслыханной неосторожности, во время Генеральных Штатов во Франции, возвав к ученым и публицистам испрашивая их мнения в жалком положении своих финансов, несчастный король еще царствовал бы. Мой сын, я настаиваю в сем предмете, потому что полагаю его главнейшим и может быть опять к нему возвращусь. Овладейте общим мнением, содержите его так сказать на своем коште. Умейте направлять его выгодным для вас образом, вы произведете чудеса доколе оно будет за вас: особенно не допускайте его выходить из своих пределов; подчините его Религии; пусть идут они всегда вместе! и чтобы мысль всегда находилась между цензорами и попами! Во всех областях своих не терпите более одной Ведомости: и страшитесь питать любопытство народа: Есть случаи которых он не должен даже подозревать. Удалите от его взоров все описания возмущений соделавших бедствие самым цветущих стран. Сокройте от него все сии дурные примеры, непрестанно являемые пред Европою этою нациею недавно столь просвещенною, столь покорною, столь любящею и столь любезною. Горе вам Сын мой ежели ваши подданные узнают, что можно безнаказанно нарушить уважение и послушание к Монарху! Ежели вопреки вашим стараниям Русские узнают о всех сих позорных и бедственных сценах, не забудьте представить красками самыми отвратительными, изображение всех сих честолюбивых и безпokoйных Демагогов для которых Иго Закона тяжело, всех сих нововодителей политических которые смутят, чтобы быть замеченными.

Берегите только себя в минуты вашего отдохновения, все сии превосходныя Трактаты Философии, плод которых способен только наносить безпокойство в уме слабых, и возбуждать любовь к независимости в голове пылких. Заключите науки ваших подданных в пределы нравственности домашней; заставьте, от одна конца вашего Государства до другаго, проповедывать добродетели общественныя и семейныя. Не оставляйте народу времени на размышление; он не рожден к этому; чтобы он никогда не переступал за черту рукоделий! Не надобно чтоб народ думал: ничто не может быть труднее управления когда оно требует отчету в делах. Пусть он работает и молчит! Перо держающее все писать нанесло более вреда в свете [и более всего правительствам] нежели пушки. Отдалите в Сибирь первого писателя захотевшего выказать себя Государственным человеком. Покровительствуйте Поётов, Трагиков, Романистов, даже Историков времен Прошедших. Уважайте Геометров, Натуралистов, но сошлите всех мечтателей, всех Производителей Платонических Республик, прикасающихся святотатствен-

ною рукою свою к дипломатии дворов. — Я позволила Дидероту говорить со мною откровенно;^{III} но я запретила бы ему публиковать в моем Государстве смелые истинны, которые он мне расточал ударяя мне рукою по коленам в своем философическом восторге. — Притом я нуждалась на время в людях такого рода; они были первым ехом моей славы, несколько благодетелей доставили мне от них названия самые пышные: они провозгласили меня Северною Семирамидою^{IV}; и мое поведение, надеюсь, необмануло их похвал. Все сии трубы похвальные, излили на престол мой новый блеск, который удивил: Это все, что я хотела. Я имела некоторые слабости, кои мне надобно было скрыть: великие политики могут себе позволить их. Что нужды управляемым, ежели они счастливы, до домашнего поведения их правительства.* Сын мой! Позор более важный, теперь является в Европе. Надеюсь, что верный моим намерениям Российский Орел разпространит свои могучие крылья, чтобы налететь на сию преступную Страну, где кровь Царя, лилась под рукою своего народа. Сын мой! Клянись на моем гробе, клянись остаткам твоей матери, что исполнишь мои обещания; я медлила исполнением, по причинам политическим которые ты будешь уметь ценить! Пусть армия Твоя поколеблется к сему отдаленному предприятию, только в Эпоху упадка сей раждающейся Республики ослабеваемой с самого своего рождения! Допусти ее совершить все преступления в недрах своем и вне границ своих: Когда она завоеует, ограбит, разорит всех соседей своих, когда соделается предметом ненависти; когда разоренная своими триумфами, изнеможенная своими победами добыча анархии; оно невозможно управлять собою лучше как и другими; тогда, сын мой, настанет минута в которую ты должен напасть на нее. Передай в руки победителя³ Варшавы⁴ мстительную стрелу за права престола: чтобы сей новый Велизарий не встретил бы в тебе другого Юстиниана!^{VII} и таким образом, предохранив твое государство от заразы демагогства, ты наполни Европу твоими Солдатами и твоею славою; и у себя ты тем более станешь самовластным; вот к чему ты должен стремиться прежде всего ибо подобно закону: да никакое самовластное приказание не изольется из твоей канцелярии; по чтобы все указы твои были решительны!

Не допускай никого владеть собою. Помни что Император представляет Бога на земле: а Бог не терпит противуречий; он говорит и все совершается. Одно движение твоих бровей должно приводить в трепет злаго. И так ты всегда будешь Господином своих царедворцев, так как я была (подчеркнуто в оригинале)

* На Сейме в полном собрании, Представитель Польский Немцевич дерзнул означить Екатерину II под именем Месалины Северной.^V Она жаловалась в одном объявлении 18 мая 1792 года.

³ Генерал Суворов).

⁴ Взятие предместья Праги стоило жизни двадцати тысячам людей всех возрастов^{VI} обоего пола, убитых русской армией.]

нале. — Г. Л.); и ты всегда будешь покорять свои удовольствия разуму Государства.

Ты будешь иметь волю, и она будет неизменна. Нерешительность вовлекла Карла I-го и Людовика XVI в бездну Политической Революции.^{VIII} Оба были любимы народом; о них жалели; и еще жалеют: не менее того они погибли потому что не умели повелевать. Одним словом будьте тверды, и велите написать золотыми буквами в вашем кабинете: Горе Царям слабым! (в оригинале подчеркнуто. — Г. Л.). Говорят и будут долго говорить: Век Людовика XIV^{IX} потому что сей самовластный царь повелевал своему веку: Его век ему принадлежит, так сказать он владел и располагал им как хотел. Враги управления одного знают и обладают совершенно тайною искусства царствовать. Не употребляйте ее во зло, подобно им, вы пойдете к своей гибели как они стремятся к своей; но взгляните до чего простирают они свое деспотическое могущество; с каким бестыдностью они заставляют преклоняться пред собою свои собственные законы: Они знают что таким средством управляют толпою. Правда что дела самовольны и тиранические которые они ежедневно себе позволяют, соделываются все именем свободы равенства. Есть ли правила более деспотические нежели правила сих Судий демагогов? Как дерзки они с высоты своих курульских седалищ?^X Как оскорбляют они бедность своих подобных, великолепием своих одежд, пышностью своих представлений! Народ ропщет, но [он] не трепещет.

Мы, цари законные Европы, едва дерзнули бы принять тон Азиатской, являемый сими новыми людьми с некоторую уверенность. Надобно признать сын мой, что род человеческий, которого часть составляем и мы, очень низок и заслуживает бедствия его бремени. Кто мог вообразить чтоб эта французская нация столь остроумная, дошла до такой степени, тупости и самоотвержения, что и преклонила голову под иго обгаренное кровью и грязью, и тысячу разов тяжелее носимого ею в продолжении стольких веков? Разказ происшествий первый дней этой Революции, причинила мне признаюсь некоторые безпокойства.

Правительство, кроткое, честное, отечественное, могло бы заставить обожать сию демокрацию. Вопреки познания которое я думала иметь о сердце человеческом, я страшилась одно время существенности этих философических правил, посеянных нашими мудрыми Великими умами новейших времен даже в моем дворе. — Я должна была узнать что сии мечты могут обольстить головы людей благонамеренных; но они также могут соделаться в руках некоторых неизвестных честолюбцев, рычагом способным поколебать Государство имеющее правительством только честного человека и произвести перелом ужасный,

по долженствующий рано или поздно обратится во славу и в пользу древних правительств.

Все Платоны с пустою головою, умеют искусно начертывать прекрасную Теорию политическую; но благодаря благому провидению, желающему спокойствия мира они дети в практике. Это самое сказала я Дидероту, гораздо прежде великаго и роковаго опыта мною приобретеннаго. К щастию все сии Корифеи в демагогии имеют так мало способностей и так много тщеславия; им вовсе не известно искусство долго устрашать толпу себе подобных; напротив они заставляют так совершенно ненавидеть их новыя правила, что законные правители могли бы и должны бы предать их собственным силам и средствам. Мы скоро увидели бы что все сии народы обольщенные только на минуту, но пришед в себя, бегущих к нам и несаящих головы своих дерзких начальников, и у ног наших умоляющих нас возвратить им это легкое и спасительное иго носимое ими столь долгое время не жалуются.

Таков был мой первый план, и я его держалась не смотря на обещания расточаемые мною другим северным державам служить им войсками. Я хотела только медлить, но думало что ежели вся Европа потрясается для общаго дела царей и спокойствия народов, Вы скоро должны взвесить на весах политики достоинство вашей армии и вашего кредита. И так завещаю вам сие великодушное предприятие. Притом эта экспедия советуется вам здравою политикою. Нехорошо оставлять на долго в бездействии народ и армию: напротив того держите их в безпрестанной готовности. Простой народ любит движение: страшитесь для себя скуки или бездействия ваших подданных: неподвижность ума и тела родит болезни физическая и моральныя. Дайте течение народонаселению вашего Государства. Стоячие воды портят[ся] причиняют гибель. Великий Начальник, подобно землешащу часто веющему свою рожь чтобы сохранить ее чистою, должен также освежать свой народ. Внешняя война не всегда бывает бедствием она предохраняет внутреннюю от безпокойств и возмущений; она предлагает занятие множеству людей которых весьма трудно удержать полиции среди больших городов. Притом Война придает много важности Государю, и это никогда не бывает для него излишним. Сын мой заставьте себя уважать, покажите себя чрезвычайно жадным к высоким почестям: первое потому что они вам более следуют; потом народ никогда не может дастаточно воздать вам оное. На земле нет ничего превыше Государя, соединяющий блеск своего рождения с высокими добродетелями. Надобно чтобы ваши подданные, пораженные мыслью что Петр I и Екатерина II дышат в вас неволью падали бы завидя вас издали. Вы держите в руках ваших их состоянии, их доброе имя, их существование, их спокойствие суть ваше произведение. Они дышать только вами! Чем более вы будете чувствовать

ваше достоинство, тем более они почувствуют необходимость и долг отдавать вам почтение вам следуемое. Благородная гордость пристала Царям. Имейте народности не более сколько надобно чтобы умерить Величество Государства. Пусть пристойная гордость служит границею между вас и людей вам подвластных. Надобно наконец чтобы русские видели в вас существо только Бога но превыше всех смертных: без этой магии престола, которую Людвиг XVI не подозревал, вы ничего не произведете великаго. Я часто привожу в пример сего Монарха потому что он был жертвою слабости своего ума; более решительный [осмелимся сказать] более уверенный в самом себе, более исполненный силы священного сапа Государя, он вывел бы народ свой из бездны финансов, и не был бы сам жертвою наказаний: своею неуместною снисходительностью, он унизил Царское достоинство.

Мой сын, поддерживайте ее во всей полноте и во всей силе; это одна из ваших обязанностей, и даже ваша спасительная стража.

Народность не всегда бывает оградой для Государя, по причине того, что нет ничего непостояннее, ничего неблагодарнее толпы и народность, сия добродетель судей Демагогов делает их весьма часто первыми жертвами, предпочитайте это внимание, эти ласки, всегда разточаемые мною ни в отношении моих придворных, но к офицерам моих войск которые служили мне хорошо и верно. И после искусства хорошо употреблять людей, не менее нужно и то, чтобы уметь раздавать милости и награды. Сими мелкими подробностями, которыми я никогда не пренебрегала, привязываешь к себе людей. Одна черта вашей руки может произвести чудеса в иных случаях; [Не пренебрегайте никогда этими маленькими средствами] это есть одна из тайн искусства царствовать. [Рубль, данный кстати солдатам; слово, обращенное к их генералу, много раз стоили столько же, сколько победы]. Люди так сотворены, надобно уметь пользоваться их тщеславием или их нуждами. Но чтобы Войско было главнейшим предметом вашей любви; [С незапамятных времен в этом мире] одною силою только действуем на сей земле. [Мы царствуем только нашими Воинами]. Из всех правительств, правило военное есть вернейшее. Прежде всего заставьте любить себя Войском. Народ ничего, Солдат все. Будьте его отцом но предохраните на всегда ваше пространное Государство от этих вооруженных конфедераций, доведших Польшу в бессилие управлять самой собою и составлять Сословие Государственное в Европе.

Действуйте не менее строго и благоразумно против первых признаков другаго рода конфедераций не вооруженных, называемых клубом в Англии, и которые под именем общества, или собраний политических привлекли на Францию сей поток злодейств и бедствий. Она не иначе от них возстанет как подав

руку Государю. Сделайте еще более, посорьтесь без всякой осторожности со всякой соседственной державой которая терпела бы у нея зло французское и захотела бы привить его [русским] посредством коммерческих сообщений. Лучше иметь лишнего врага вне своих границ нежели внутри. Не надобно колебаться ежели спокойствие и благоденствие ваших подданных близко вашему сердцу. Мой Сын клуб не есть только ящик Пиндоры^{xi} (в оригинале подчеркнуто. — Г. Л.) но он гораздо хуже его: надежда по крайней мере находилась в глубине онаго. Сословие народное излило бы все бедствия политическия на ваше Государство, и похитило бы у вас средство изцеления. Целый народ, худо образованный, преданный сам себе становится творцом своей собственной гибели и причиною гибели всего что его окружает. Зло гораздо увеличивается и успевае с большею быстротою когда сей самый народ, собирается каждый вечер, чтоб изъяслять свое мнение, нащет поведения правителей и таким образом Электризует рукою Революционною невидимою и изобретательною. Нелья изчислить всех действий иступления сих волканических голов. И так закройте ваши порты всем военным и коммерческим кораблям приходящим из страны худо управляемой, терпящей у себя сии скопища политическия. Начальники этих конфедераций имеют только черныя намерения. С той минуты когда люди в обществе отдали свою доверенность Царям, эта доверенность должна быть совершенна. Ваши поданные должны платить и спать покойно: Вы за них бодрствуйте. Екипаж корабельный поет ивеселится полагаясь на верность своего кормчаго: кормчий не должен позволять, чтобы какая либо рука коснулась кормила. Действие должно быть совершаемо одним. Мир физический имеет свой правильный ход, и самы его порывы обращаются в его пользу потому только, что Всмогущее Провидение дало ему первы[м] направление и сохраняет, его не допуская слабых смертных предлагать свои советы. Тоже самое относигся и к пространному Государству подобному Вашему: бросьте в глубину погреба иле в море всех тех которые возносят дерзновенный взор на ваше управление, и осмелились бы [нарушить] это единство действий, силы, и власти доселе составляющей величие России.

Сын мой, Вы всегда будете управлять следуя законам истинны; но не терпите чтобы какое либо чувство патриотическое или другое предписывало вам законы: Зашейте рот первому из ваших подданных ни страшашагося вознести дерзновенный голос и любопытный взор на Кабинет Петербургский: Непроницаемость есть спасительный страж хорошаго правительства, и народ Русский счастлив [и русская нация именно и находится в этой непроницаемости].

Будьте неизменным; не щадите Клубы не менее как и преступления! действуйте истинностью во всей ее строгости справедливость есть первая драгоценность короны царской. Пред-

упреждайте зло, ежели можете, по крайней мере наказывайте его не медля: пусть наказание пронесет преступление от одного конца вашего Государства до другаго, [следуйте по пятам за преступлением]. В республиках, судии Демагоги часто прощают виновнаго, страшась ими быть обнаруженными в показаниях обвиненнаго. Вот отчего все эти Демократии древния и новейшия, (потому я в них не полагаю никакой разницы); скоро переродились в обиталище разбойников. Злодеи счастливые должны по неволе снисходить к себе подобным, менее ловким. Безнаказанность есть их обязанность; она служит печальным зрелищем толпы Граждан честных, но безсильных, которые для домашняго спокойствия, повинуются Тиранам ими презираемым и ненавидимым.

Мой сын, будьте великим блюстителем справедливости. Будьте Гением зла для злых, и Гением добра для добрых. Предусматривайте нужды ваших народов: стон несчастнаго, одна слеза матери семейства, умножат на небесах перуны над главою Государя.^{xii} И так старайтесь чтобы на всей поверхности вашего Государства, не встречался бы ни единой несчастливцев. Очистите землю, где вы царствуете от нищеты, этой постыдной раны Государств: чтобы в этом как и во всем другом она находилась в совершенной противоположности с землею тех Республик, где путешественник на каждом шагу или досажден или разтроган зрелищем нищеты под законом равенства. Эти низкие Судии народа с пышностью начертывают имя равенства (в оригинале подчеркнуто. — Г. Л.) в заглавии своих указов, и нет страны, где бы наиболее совершалось бед ужаснейших и возмутительных. Безчисленные семейства теряют свои отцовские наследия во имя святой собственности. Народ самый многочисленный в Европе и самый просвещенный соглашается просить милостинню, чтобы удовлетворить роскоши, жадности горсти выходцев, имеющих единственную способность крамолы и безтыдства. Сын мой, кажется Всевышний допускает сии преступления, для того [чтобы] открыть глаза народам и научить их оценить самим Демагогию и власть законную. Сии Судии неискусные невидят что паралель не может быть в их пользу. Они не успевают своею новою управою отвратить сердца от отеческого управления монархического. Оставим их, мой сын; будем благоразумнее их и более предусмотрительны к нуждам наших народов.

Наблюдайте за духовенством; это другое сословие менее опасное нежели клубы, но движущее только честолюбием. Мой сын, управление Государства повторяю вам должно быть устроено по образцу порядка мира. Природа употребляет вещества самыя отвратительныя, агентов самыя опасных для достижения своей цели. Вы не можете обойтись [ни] без попов ни без Шпионов; но содержите их в вашей тесной зависимости. Употребляйте сие орудие с осторожностью; платите им хорошо; они

будут вам преданы. Не страшитесь быть обвиненным в Егоизме и неблагодарности. Это правило принято в Монархиях как и в Республиках: граждане должны все делать для Государя и отечества по отечеству и Государь не обязан им ничем. Служа отечеству, служат себе. Причина Государственная должна заставить молчать в сердце Монарха, воспоминание заслуг ему оказанных, ежели сии заслуги в последствии перестают быть полезными. Благо общее прежде всего и превыше всего. Благодарность есть конечно добродетель но ее надобно подчинить великой пользе общей. С высоты на которой мы поставлены, сын мой, мы должны иметь внимание только к целому. Здесь опять случай где надобно следовать природе, которая, кажется, покидает существо ей более не нужное. Ознакомьтесь с сими сильными понятиями, с сими пространными наблюдениями, одни предохраняющими великия Государства и их начальников, от близкой гибели и от постыднаго падения. Хладнокровие, при великих переворотах политических, есть характеристика Государя с Гением. Пребыв превыше обстоятельств также как и выше других людей он кажется недоступен для всех потрясений, кажется буд то он сам повелевал бурям чьим произведением они не были б. Но кроме того, что хладнокровие вселяет уважение, оно еще предоставляет выгоду размышления и возможность решительности. Я обязана ем[у] существованием и Государством. Хладнокровие составляет Героя: Карл XII не быв чувствительным записан в храме Славы ниже Петра Великаго.^{XIII} Я вам сказала что Солдат все для Правительствования должна бы присоединить: но без денег нет Войска. Недостаток денег был равно причиною и предлогом долгаго затмения Монархии во Франции, как и в Англии при Карле I. — Недостаток денег опять задушил в ее колыбели мнимую Республику французскую. Великий Фридерик знал всю силу сих денег общих в политике. Нынешний Король Прусский того же мнения.^{XIV} И так старайтесь поставить ваши финансы в уважение: я посвящала им все мои заботы. Но чтобы то было всегда с величием; и будьте скорее разточительны, нежели послушны советам скудной и темновидящей Економии. Облачайте ее по крайней мере покровом роскоши Азиатской. Мелочи, простота, пристали только Республике Пастухов как Швейцарии. Пышность, мудро устроенная весьма кстати у трона поставленного над многими народами. Не будьте менее ловки попов, они привлекают толпу вокруг престолов, только великолепием и блеском своих церковных украшений. Надобно по той же причине чтобы корона Императорская походила на лучи солнечных, чтобы блеск ее ослеплял Русских! при том роскошь есть Мать комерции и промышленности; она занимает много рук; толпа ремесленников делается зависимостью от двора не допускающего ее до праздности. Работа для людей работающих есть благодаяние. Во Франции одна из вещей наиболее препят-

ствующих утверждению рождающейся Республики есть та, что новое постановление не может терпеть совместничества, когда дело идет о том чтобы народу дать средство жить, доставляя ему работу. С сожалением вспоминают о счастливом времени, о золотом веке Франции, когда не смотря на ее великую народонаселенность, едва доставало рук для удовлетворения благодетельным прихотям двора и больших городов. Роскошь одна питала Париж и Лион. Народ французской был гораздо чувствительнее при падении роскоши [чем при основании свободы. Поддерживайте роскошь], великое Государство не может обойтись без нее, Россия еще менее. Находясь в конце Европы, без роскоши мы слыли бы Варварами. Посланные дворов, пораженные великолепием Императорского двора уносят с собой самое высокое мнение о Кабинете Петербургском. Пышность трона нимало способствует к приобретению ему высокого уважения. Мария Тереза завидовала Екатерине,^{XV} и великий Фридерик искал моего союза. Зрелища и праздники прикрывают весьма постыдную наготу. Расточайте великолепие во всем, особенно надобно оказать гостеприимство Царям, когорые в свои счастливые времена ничего не щадили для почестей во время вашего путешествия.

Эта наружность блестящего двора, дает более заметить вашу строгую любовь к справедливости: потому что вы будете со мною согласны; преступное законоположение Императрицы Елизаветы,^{XVI} да не устроит вас.

Прекрасно обещать подобно ей, чтобы не осудить никого на смерть в продолжение всего царствования. Но этот обет столь достойный уважения, столь достойный душ чувствительных есть ли он политический? удобоисполнителен ли он даже? Увы! сын мой, он необдуман; долго еще нам надобно будет управлять народами с железным прутом.*

Весы не достаточны более Фемиде, чтобы удерживать виновных; посредством страха и наказания; надобно еще вооружить свою руку Лезвием мстительным [и репрессивным]. Смертная казнь чаще обновленная, предупредила бы многие убийства.

Не отказываясь от слов могучаго исправления в вашей власти [есть] тысячу средств против преступлений и поставить себя в счастливую невозможность наказывать. Употребите все средства и они безчисленны, для ускорения успехов просвещения. Я оставляю вам множество превосходных заведений, основанных в сим духе. Умножьте их еще. [Вместо злодеяний диких людей пусть окажутся недостатки милых граждан. . .]

[Окончание отсутствует].^{XVII}

* Ежели ваш девиз есть пчела, то вы имеете ужасное улье (Письмо Вольтера к Им. Екатерине II)

ⁱ «Петр Великий... был Ромулом России; я полагала обязанностью... быть для нее Нумой.» — По мифическому преданию Ромул — брат-близнец Рема — основатель и первый царь Рима. Нума Помпилий — легендарный римский царь. По преданию им был введен лунный календарь, разделены будни и праздники. Нуме приписывалось учреждение важнейших жреческих коллегий, а также введение культа Ромула, Гермина и др.

ⁱⁱ «... философ моего времени... медведь Женевский, не доказал ли в превосходной речи, сколько успехи наук вредят нравственности?» — Имеется в виду трактат Ж.-Ж. Руссо «Рассуждение, получившее премию Дижонской академии в 1750 году по вопросу, предложенному этою же академией: „Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?“». В этой работе Руссо содержалась резкая критика современного общества. Руссо отрицательно оценил в ней роль науки и искусства в очищении нравов.

ⁱⁱⁱ «... Я позволила Дидероту говорить со мною откровенно...» — Д. Дидро по приглашению Екатерины приезжал в Петербург и прожил здесь более пяти месяцев (с сентября 1773 года по 5 марта 1774 года по новому стилю). Дидро прибыл в Россию с серьезными намерениями способствовать успешному внедрению идей французских просветителей в русскую жизнь. Он поселился в царском дворце, занимался разработкой различных проектов, почти ежедневно встречался с императрицей, но каких-либо практических результатов поездки Дидро не дала.

^{iv} «Они провозгласили меня Северной Семирамидою...» — Историческим прототипом легендарной царицы Ассирии Семирамиды является ассирийская царица Шаммурамат, правившая страной в 809—806 годах до н. э., пока ее сын Ададнерари III (809—782 гг. до н. э.) был ребенком. Предания приписывают Семирамиде основание Вавилона, связывают с ее именем ряд удачных захватнических войн. Образ Семирамиды в литературе, в частности у Овидия, — образ могущественной и сказочно богатой, но порочной властительницы.

^v «Представитель Польский... дерзнул означить Екатерину II по имени Месалины Северной...» — Жена Императора Клавдия, мать Британника и Октавии, Мессалина (I в.) была известна своим распутством. Подобное «объявление», вложенное в уста Екатерины II, маловероятно, так как заявить об этом, значило публично признаться в своих отрицательных качествах.

^{vi} «Взятие предместья Праги стоило жизни двадцати тыся-

чам людей всех возрастов...» — Правобережная часть Варшавы — Прага — была взята штурмом русскими войсками под руководством А. В. Суворова 4 ноября 1794 года, что привело 9 ноября к капитуляции Варшавы. Польское освободительное восстание 1794 года, направленное против реакционного магнатства и интервенции царской России и Пруссии, таким образом, потерпело поражение. В 1795 году последовал третий раздел Польши, в результате которого Речь Посполитая перестала существовать как самостоятельное государство.

^{vii} «Чтобы сей новый Велизарий не встретил бы в тебе друтого Юстиниана!» — Император Византии Юстиниан I (ок. 483—565 гг.) вел успешные войны, что позволило Византии захватить большую часть прежней Римской империи. Полководец Велизарий был одним из главных сподвижников Юстиниана, но в конце жизни подвергся опале. Существует версия, что по приказанию Юстиниана Велизарий был ослеплен. Именно это имеется в виду в комментируемой фразе.

^{viii} «Нерешительность вовлекла Карла I-го и Людовика XVI в бездну Политической Революции.» — Английский король Карл I (1600—1649) был казнен во время английской буржуазной революции. Людовик XVI, французский король (1754—1793) казнен по решению Конвента во время Великой французской революции.

^{ix} «Говорят и будут долго говорить: Век Людовика XIV...» — Выражение «век Людовика XIV» вошло в обиход после появления одноименной работы Вольтера (1752). При Людовике XIV (1643—1715) власть французского монарха стала абсолютной, а феодальная Франция достигла апогея своего могущества. Вместе с тем уже при жизни Людовика XIV стали обнаруживаться признаки упадка абсолютизма. Бесконечные войны, неслыханная роскошь двора, безмерно увеличившееся бремя налогов подтачивали блестящую французскую монархию.

^x «Как дерзки они с высоты своих курульских седалищ!» — По древнеримскому обычаю отдельные выборные должностные лица — консулы, преторы, диктаторы, начальники конницы, эдилы, входящие в состав курии (т. е. сената), могли выслушивать просителей, творить суд и расправу, только восседая на специальном сидении — курульном кресле (*sella curulis*). Это кресло имело форму складного стула без спинки, делалось из слоновой кости, мрамора, бронзы и других ценных материалов и носилось повсюду за его обладателем.

^{xi} «... клуб не есть только ящик Пандоры...» — Здесь описка, в оригинале правильно — Пандора. Согласно греческой мифологии Пандора была создана по повелению Зевса в наказание людям за грех Прометея, вопреки воле богов давшего человечеству огонь. Олимпийские боги наделили Пандору изумительной красотой, блестящим даром речи, а также лестиливостью, хитростью и неистребимым любопытством. Зевс пода-

рил Пандоре сосуд с заключенными в нем человеческими несчастьями. Хотя Пандоре было сказано, что сосуд ни в коем случае открывать нельзя, она открыла его и выпустила оттуда все человеческие несчастья, успев прихлопнуть только надежду, которая с тех пор заменяет людям счастье.

xii «Предусматривайте нужды ваших народов: стон несчастного, одна слеза матери семейства, умножат на небесах перуны над главою Государя.» — Характерный штрих, показывающий, что и Маршалль в какой-то мере был введен в заблуждение дезинформацией Екатерины II о положении в России, содержащейся в ее письмах к Вольтеру.

xiii «Карл XII... записан в храме славы ниже Петра Великого.» — В XVIII веке сложился образ Карла XII как короля-воина. Номинально королем Швеции он стал в 15 лет (род. 1682 — ум. 1718). В 1700 году, когда сложилась антишведская коалиция (Дания, Польша и Россия), Карл начал успешные военные действия против союзников. Внезапно высадившись в Дании, он вынудил ее выйти из коалиции (Травендальский мир). Карл предполагал затем отправиться в Польшу, но, узнав о вступлении русских войск в Прибалтику, изменил решение. Напав на русских под Нарвой, он нанес войскам Петра I тяжелое поражение (20 ноября 1700 г.). В начале 1702 года Карл вторгся в Польшу, низложил короля Августа и заставил шляхту избрать королем своего ставленника Станислава Лещинского (1704). Удачны были военные действия Карла и в Саксонии (1706). Следующий — 1707 — год был апогеем военно-политических успехов Карла: тогда с ним был заключен унижительный для Австрии договор (Альтранштедт), Англия и Франция тоже искали союза с Швецией. Попытка Карла окончательно разгромить Россию привела к тяжчайшим поражениям шведов при Лесном, под Полтавой (1709), после которых все усилия Карла XII восстановить свои завоевания оказались тщетными. Бесчисленные авантюрные войны, ведшиеся Карлом XII, тяжело сказались на экономическом положении Швеции. В конце концов Карлу пришлось прибегать к чрезвычайным мерам: принудительным займам, продаже монополий на торговлю и т. д. Карл XII погиб под стенами крепости Фредрикстен (Норвегия) 30 ноября 1718 года.

xiv «Великий Фридерик знал всю силу... денег. Нынешний Король Прусский того же мнения.» — При Фридрихе II Великом (1740—1786) Пруссия из небольшого немецкого княжества превратилась в государство, игравшее важную роль в сложной общеевропейской политике. Фридрих II присоединил к Пруссии Силезию (1740—1748), активно участвовал в разделах Польши, явился инициатором так называемого «союза князей» Германии, в котором Пруссия играла роль гегемона. В области внутренней политики Фридрих, придерживаясь регрессивных взглядов на управление, довел систему мелочной бюрократии до крайних

пределов. При Фридрихе II косвенные налоги выросли до чудовищных размеров. Фридрих заигрывал с просветителями, переписывался с Вольтером, создавая себе славу «просвещенного» монарха. О реальных шагах Фридриха в области «просвещенного абсолютизма» может дать представление, например, введенное им обязательное начальное обучение крестьянских детей в специально созданных школах. Лицемерие этой меры видно из того факта, что, объявив об организации школ, Фридрих не дал на это ни копейки денег. Учителями в школах предлагалось сделать престарелых инвалидов. При приемнике Фридриха II — Фридрихе-Вильгельме II (1786—1797) в стране настала эпоха самой оголтелой реакции. О характере этой реакции достаточно красноречиво говорит жесточайшая цензура, которой подвергались даже медицинские сочинения.

xv «Мария Тереза завидовала Екатерине...» — Эрцгерцогиня австрийская Мария Терезия (1717—1780) сумела отстоять в так называемой «войне за австрийское наследство» (1741—1748) права на корону «Священной Римской империи». Правда, в результате этой, а также Семилетней войны (1756—1763) Австрия лишилась Силезии и некоторых владений в Италии. Зато агрессивная внешняя политика императрицы Марии Терезии принесла ей впоследствии приобретения в Галиции (1772), захват у Турции Буковины (1775) и присоединение части Баварии (1778—1779). В области внутренней политики Мария Терезия провела ряд мер по укреплению феодально-абсолютистского государства. К этим мерам относятся: введение постоянного военного налога и единого уголовного кодекса, учреждение государственного совета (1760) и верховного судебного ведомства и т. д. Мария Терезия пыталась в интересах начавшегося развития капиталистических отношений ограничить размеры барщины до трех дней в неделю и права помещиков на крестьянскую землю. Однако из-за противодействия земельной аристократии эти реформы не были проведены в жизнь.

xvi «Преступное законоположение императрицы Елизаветы...» — Имеются в виду указы императрицы Елизаветы Петровны 1753—1754 годов, отменявшие смертную казнь как за политические, так и за уголовные преступления. При этом следует указать, что прокламирование отмены смертной казни вовсе не означало упразднения так называемой «Канцелярии тайных розыскных дел» во главе с А. И. Ушаковым, где свирепствовала система жестоких пыток и наказаний.

xvii (Окончание отсутствует). — Очевидно, Маршаллю было известно, что Екатерина II умерла скоропостижно.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

PREFACE DE L'ÉDITEUR.*

Un Homme de lettres Russe, attaché au service intérieur de la Cour de Pétersbourg, nous a fait passer copie du Manuscrit impérial, qu'il s'est procuré avec beaucoup de peine. L'importance du sujet, le grand caractère public de l'Auteur, les circonstances du moment, et la constante amitié qui nous lie, malgré les distances, l'ont déterminé à cette démarche hardie. Il s'est mis d'avance à l'abri des événemens.

Des hommes timides nous déconseilloient de publier la Traduction de ce Monument de la Diplomatie secrète Russe; mais nous nous sommes rappelé la réimpression du *Traité du Prince*, par N. Machiavel.

LES BONS ET DERNIERS AVIS DE CATHERINE II À PAUL I. TROUVÉS PARMIS LES PAPIERS DE L'IMPÉRATRICE DE RUSSIE, APRÈS SA MORT

Mon très-digne, très-honoré et très-cher fils!

Votre mère, l'autocratrice de toutes les Russies, ne sera plus, quand cet écrit vous parviendra. Mes dernières volontés sont qu'il vous soit remis aussitôt après ma mort. Je vous laisse l'héritage le plus vaste de l'Europe, comme il en est le plus brillant. Mon sang, qui coule dans vos veines, devoit me rassurer assez; mais la tendre sollicitude que j'ai toujours manifestée pour mes peuples, et les comptes que j'ai à rendre à la divine Providence, dont j'ai tant de fois éprouvé les, faveurs insignes, semblent exiger de moi que je dépose en vos mains ces sages conseils, fruits d'une longue et heureuse expérience. J'ai régné, je puis le dire, avec gloire et avec justice; et j'emporte avec moi dans la tombe, l'honorable conviction d'avoir procuré à mes sujets le degré de bonheur et de liberté dont ils étoient susceptibles, et dont ils ne pouvoient abuser pour leur ruine et pour la mienne. Pierre-le-Grand, mon très-honoré et à jamais illustre prédécesseur, a été le Romulus de la Russie; j'ai cru devoir en être le Numa, autant que les événemens le permettoient. Pierre Ier a jeté les véritables fondemens de l'empire russe; Catherine II a élevé l'édifice et l'a décoré: Paul Ier est appelé à le consolider. Mon

* Текст «Завещания» дается с полным сохранением как орфографических, так и синтаксических особенностей оригинала.

fils, il faut que le trône où vous allez me remplacer, obtienne de l'Europe et du monde entier, l'étonnement, l'admiration et la reconnoissance. Vous mettrez la dernière main à l'oeuvre de votre mère: Je me flatte de survivre dans mon fils. L'aigle généreuse n'enfante point le timide passereau.

Je vous dois des conseils, comme mère, comme impératrice, et sur-tout comme contemporaine d'une révolution politique lointaine, qui pourroit nous atteindre, si on lui laisse continuer les pas de géant qu'elle a déjà faits depuis sept années.¹ Plus que jamais, mon fils, l'art de régner va devenir difficile; plus que jamais la couronne attirera les orages: la mienne a su les dissiper tous. Apprenez de moi la science de conjurer les tempêtes populaires; prévenez-les, on portant la guerre au loin: tout vous sera permis, tant que vos armes seront victorieuses.

Dans la ménagerie des hommes de lettres que j'ai fait venir à ma cour, j'ai parfois trouvé quelques bons avis: j'ai appris de *mes savans*, que jadis l'Egypte, à son époque la plus florissante, fermoit l'entrée de ses ports et de ses frontières à tous les étrangers; et que c'est en partie pour cela qu'on l'a honorée du titre de *sage*. Faites de même: comme un bon père de famille, qui ne laisse pénétrer dans sa maison que ce qu'il croit avantageux à ses enfans, veillez à ce qu'aucun livre, aucune gazette, pas même une caricature, n'entre en Russie sans votre permission. Un peuple bien gouverné, ne doit penser que d'après son prince. Vos sujets ne doivent rien apprendre que sous votre autorisation; vous seul savez le degré de lumières qui leur convient. Pour leur propre tranquillité et pour votre repos, il ne faut pas qu'ils soient trop instruits, ou instruits trop tôt: c'est à vous à en décider. Un philosophe de mon siècle, le seul peut-être qui ait paru peu sensible à mes caresses, l'ours de Genève, n'a-t-il pas prouvé dans un beau discours, combien le progrès des sciences nuit à celui des moeurs? Jean-Jacques a raison; et ce qui se passe depuis plusieurs années, ne le confirme que trop. On ne peut faire ce qu'on veut d'un peuple raisonneur. Sans leur dévotion à S. Nicolas, et leur dévouement à ma personne mes soldats n'auroient point fait pâlir le Croissant, et ne m'auroient point débarrassée de la république de Pologne.²

A chacune des douanes de votre empire, établissez donc une censure sévère des livres venant de l'étranger. Je pourrois vous citer tel livre, qui a fait plus de mal à un gouvernement qu'une bataille perdue, ou une province conquise. Je connois les gens de lettres; je les ai appelés autour de moi pour les voir de plus près. Craignez qu'ils ne forment un état au milieu de l'état. Si le

¹ Catherine mourut le 9 novembre 1796.

² Catherine-la-Grande feroit-elle allusion à ces marchands qui, doute autorisés secrètement, vendoient à vil prix de gros couteaux aux paysans polonais du culte grec, pour s'en servir à l'effet de faire triompher la religion grecque non-unie, dont l'autocrate de Russie est le chef?

foible et infortuné Louis XVI, lors des états-généraux de France, n'avoit point commis l'insigne imprudence d'un appel aux savans et aux publicistes, pour prendre leurs avis sur le déplorable état de ses finances, le malheureux prince régneroit encore. Mon fils, j'insiste sur ce point, parce que je le crois capital; et j'y reviendrai peut-être. Emparez-vous de l'opinion publique; tenez-la, pour ainsi dire, à vos gages: sachez la diriger dans le sens qui vous convient; vous ferez des miracles, tant qu'elle sera pour vous: sur-tout, empêchez-la de divaguer; subordonnez-la à la religion; qu'elles aillent toujours ensemble! et que la pensée marche toujours entre des censeurs et des prêtres! Ne souffrez, dans tous vos états, qu'un seul papier-nouvelle; et gardez-vous de trop alimenter la curiosité du peuple: il est des événemens qu'il ne doit pas même soupçonner. Loin de ses regards la relation de toutes ces révoltes, qui ont fait le malheur des contrées les plus florissantes. Enlevez à sa connoissance tous ces mauvais exemples que ne cesse de donner au reste de l'Europe cette nation naguère si polie, si soumise, si aimante et si aimable. Malheur à vous, mon fils, si vos sujets apprennent qu'on peut manquer de respect, et désobeir impunément à un monarque! Si, malgré vos soins, les Russes sont instruits de toutes ces scènes scandaleuses et déplorables, ne manquez pas de faire peindre, sous les couleurs les plus hideuses, le portrait de tous ces démagogues ambitieux et remuans, à qui le joug de la loi pèse, de tous ces novateurs politiques, qui font du bruit pour être aperçus.

Réservez à votre seul usage et pour vos loisirs, tous ces beaux traités philosophiques, dont le seul fruit est de porter l'inquiétude dans les esprits foibles, et l'amour de l'indépendance dans les cerveaux exaltés; circonscrivez les études de vos sujets dans les bornes de la morale domestique; faites prêcher, d'un bout de votre empire à l'autre, les vertus sociales et de famille. Ne laissez pas au peuple le temps de réfléchir; il n'est pas fait pour cela: qu'il ne franchisse jamais le cercle des travaux manuels! il ne faut pas que le peuple pense: rien de plus pénible à gouverner, quand il veut qu'on lui rende compte. Qu'il travaille, et se taise!

La plume qui ose tout écrire, a fait plus de mal au monde, vet sur-tout aux gouvernemens, que le canon. Envoyez en Sibérie le premier écrivain qui voudra trancher de l'homme d'état. Protégez les poètes, les auteurs tragiques, les romanciers, les historiens mêmes des temps passés: honorez les géomètres, les naturalistes; mais proscrivez tous ces penseurs, tous ces faiseurs de républiques platoniciennes, qui touchent d'une main profane à la diplomatie des cours. J'ai permis à Diderot de m' parler avec franchise; mais je lui aurois défendu de publier dans mes états, par la voie de l'impression, les vérités hardies qu'il m'a débitées, en me frappant le genou de sa main dans son enthousiasme philosophique. D'ailleurs, j'avois besoin un moment de cette sorte de

gens; ils furent les premiers échos de ma renommée. Quelques bienfaits m'ont valu de leur part les titres les plus pompeux: ils m'ont proclamée la Sémiramis du Nord: et ma conduite, je pense, n'a point démenti leurs éloges. Toutes ces trompettes de réputation ont fait jaillir sur mon trône un nouvel éclat, qui en a imposé: c'est tout ce que je voulois. J'avois quelques foiblesses à couvrir: les grands politiques peuvent s'en permettre. Qu'importe aux gouvernés, quand ils sont heureux, la conduite privée de leurs gouvernans!*

Mon fils! un scandale d'une bien plus haute importance a lieu en Europe. J'espère que, fidèle à mes plans, l'aigle russe déploiera ses ailes puissantes, pour aller s'abattre sur cette contrée coupable, où le sang d'un roi a coulé sous la main de son peuple. Mon fils, jurez sur ma tombe, jurez aux manes de votre mère, que vous remplirez mes promesses. J'en ai différé l'accomplissement, par des raisons politiques que vous saurez apprécier. Que vos armées ne s'ébranlent, pour cette expédition lointaine, qu'à l'époque de la décadence de cette république naissante, et qui s'affoiblit dès son aurore! Laissez-lui commettre tous les crimes dans son enceinte et hors de ses frontières: quand elle aura envahi, dépouillé, ravagé tous ses voisins; quand elle en sera devenue l'exécration; quand, appauvrie par ses triomphes, épuisée par ses victoires, en proie à l'anarchie, elle ne saura pas mieux se gouverner que gouverner les autres; mon fils, le moment est venu de fondre sur elle. Remettez aux mains du vainqueur³ de Warsovie,⁴ la foudre vengeresse des droits du trône: que ce nouveau Bélisaire ne trouve point en vous un autre Justinien! et c'est ainsi qu'en préservant vos états de la contagion démagogique, vous remplirez l'Europe de vos soldats et de votre gloire; et vous n'en serez que plus absolu chez vous: c'est à quoi vous devez tendre avant tout. Car soyez comme la loi: qu'aucun ordre arbitraire n'émane de votre chancellerie; mais que tous vos ukases soient absolus! Ne vous laissez dominer par personne. Songez qu'un empereur représente. Dieu sur la terre: or Dieu ne souffre point de contradicteurs; il dit, et tout se fait. Au seul mouvement de vos sourcils, il faut que le méchant tremble. Vous serez donc toujours le maître de vos courtisans, ainsi que j'ai été maître de tous les miens; et vous subordonnez toujours vos plaisirs à la raison d'état.

Vous aurez une volonté, et elle sera irrévocable. Ce sont les tergiversations de Charles Ier et de Louis XVI, qui les conduisirent au fond de l'abîme d'une révolution politique: tous deux

* A la diète, en pleine séance, le représentant polonais Niemcewicz, osa bien désigner Catherine II sous le titre de Messaline du Nord. Elle s'en plaint dans une déclaration du 18 mai 1772.

³ Le général Suwarow.

⁴ La prise du faubourg de Prague coûta la vie à vingt mille personnes de tout âge et tout sexe, massacrées par l'armée russe.

étoient aimés de leurs nations; ils en furent plaints; ils en sont regrettés: ils ne périrent pas moins, parce qu'ils ne surent point commander. En un mot, soyez ferme; et faites écrire en lettres d'or, dans l'intérieur de votre cabinet: *Malheur aux princes foibles!* On dit encore, on dira long-temps; *Le siècle de Louis XIV;* parce que ce monarque absolu commanda à son siècle: son siècle lui appartenoit, pour ainsi dire; il en fit tout ce qu'il voulut, et il en disposa comme il jugea à propos. Les ennemis du gouvernement d'un seul connoissent et possèdent à fond ce secret de l'art de régner. N'en abusez pas comme eux; vous iriez à votre perte, comme ils courent à la leur: mais voyez jusqu'où ils portent leur absolu pouvoir; avec quelle impudence ils font fléchir devant eux leurs propres loix: ils savent que c'est ainsi qu'on mène le vulgaire. Il est vrai que les actes arbitraires et tyranniques qu'ils se permettent journellement, sont tous au nom de la liberté, de l'égalité. Est-il un régime plus despotique que celui de ces magistrats démagogues? Comme ils sont insolens du haut de leurs chaises curules! comme ils insultent à la misère de leurs semblables, par le luxe de leurs habits, par le faste de leur représentation! Le peuple murmure, mais il tremble.

Nous autres, rois légitimes de l'Europe, nous oserions à peine prendre le ton asiatique que ces hommes nouveaux affichent avec une sorte de sécurité. Il faut avouer, mon fils, que l'espèce humaine, dont pourtant nous faisons partie, est bien vile, et mérite bien les maux dont on l'opresse. Qui auroit pu penser que cette nation française, si spirituelle, en viendrait à un tel degré de stupidité et d'abnégation d'elle-même, qu'on la verroit courber la tête sous un joug souille de sang et de boue, et mille fois plus dur que celui qu'elle perçoit depuis tant de siècles? Le récit des événemens qui marquèrent les premiers jours de cette révolution, me donna, j'en fais l'aveu, quelques inquiétudes. Une administration douce, honnête, paternelle, pouvoit faire idolâtrer cette démocratie. Malgré la connoissance que je croyois avoir acquise du coeur humain, je craignis un moment la réalité de ces principes philosophiques, que nos sages beaux-esprits modernes vinrent étaler jusque dans ma cour. J'aurois dû penser que ces beaux rêves peuvent séduire la tourbe des hommes bien intentionnés; mais aussi qu'ils peuvent devenir, dans les mains de quelques ambitieux obscurs, un levier capable de remuer un empire qui n'a pour chef qu'un honnête homme, et produire une crise affreuse, mais qui doit tôt ou tard tourner à la gloire et à l'avantage des anciens gouvernemens.

Tous ces Platons à tête creuse, sont habiles à crayonner une belle théorie politique; mais, grâce à la divine Providence, qui veut le repos du monde, ce sont des enfans dans la pratique. C'est ce que je disois à Diderot, bien avant d'avoir pour moi une grande et fatale expérience. Heureusement, tous ces coryphées en démagogie ont si peu de talens et tant de vanité; ils ignorent

si complètement l'art d'en imposer long-temps au commun de leurs semblables; ils font, au contraire, détester leur nouveau régime si parfaitement, que les gouvernans légitimes auroient pu, auroient dû peut-être les abandonner à leurs propres forces, à leurs seules ressources: nous aurions vu, sous peu, tous ces peuples séduits un instant, revenus de leur première ivresse, accourir vers nous, la tête de leurs magistrats insolens à la main, se précipiter à nos pieds, et nous supplier de leur rendre le joug léger et salubre qu'ils avoient porté si long-temps sans se plaindre.

Tel étoit mon premier plan, et j'y tenois, à travers les promesses de troupes que je prodiguois aux autres puissances du Nord. Je ne voulois que temporiser; mais je pense que puisque presque toute l'Europe s'ébranle pour la cause commune des rois et le repos des peuples, vous devez mettre bientôt dans la balance politique le poids de vos armées et de votre crédit. Je vous lègue donc cette généreuse expédition à faire.

D'ailleurs, cette expédition vous est conseillée par une saine politique. Il n'est pas bon qu'on vous laissez long-temps oisifs vos peuples et vos soldats: tenez-les, au contraire, sans cesse en haleine. Le commun des hommes aime le mouvement: craignez pour vous l'ennui ou l'inaction de vos sujets; la stagnation des esprits et des corps engendre les maladies physiques et morales. Donnez un écoulement à la population de vos états; les eaux dormantes se gâtent et causent la peste. Un grand administrateur, semblable au fermier qui vanne souvent son grain pour le conserver pur, doit aussi vanner son peuple. La guerre au dehors n'est pas toujours un fléau; elle préserve l'intérieur d'agitations et de révoltes; elle offre de l'emploi à quantité d'hommes que la police a beaucoup de peine à contenir au sein des grandes villes. La guerre donne en outre beaucoup d'importance au prince; et il ne sauroit en avoir trop. Mon fils! faites-vous respecter; montrez-vous extrêmement jaloux des honneurs suprêmes: d'abord ils vous sont tous dûs: ensuite le peuple ne sauroit trop vous en rendre: il n'y a rien sur la terre au-dessus d'un souverain, qui joint à l'éclat de sa naissance celui de ses vertus. Il faut que tous vos sujets, frappés de l'idée que Pierre Ier et Catherine II respirent en vous, se prosternent de leur propre mouvement, du plus loin qu'ils vous apercevront. Vous balancez dans vos mains leurs fortunes, leurs réputation, leur existence. Le repos dont ils jouissent est votre ouvrage: ils ne respirent que par vous; qu'ils ne respirent aussi que pour vous! Plus vous sentirez votre dignité, plus ils sentiront le besoin et le devoir de vous rendre les hommages qui vous sont dus. Un noble orgueil sied aux princes. N'ayez de popularité que ce qu'il en faut pour tempérer la majesté de l'empire: qu'une fierté décente serve de barrière entre vous et les hommes que vous avez à gouverner! Il faut enfin que les Russes vous croient un être placé au-dessus de Dieu seul, mais au-dessus de tous les hommes: sans cette magie du trône, que

Louis XVI ne soupçonnoit pas, vous ne ferez rien de grand. Je vous cite souvent ce monarque, parce qu'il a été la victime de la mollesse de son esprit: plus absolu, osons le dire, plus sûr de lui-même, plus pénétré de la force de l'auguste caractère de souverain dont il étoit revêtu, il auroit tiré son peuple du gouffre des finances, sans en devenir lui-même la victime expiatoire: par sa condescendance hors de saison, il a compromis la royauté. Mon fils, soutenez-la dans toute sa plénitude, dans toute sa vigueur; c'est l'un de vos devoirs, et en même temps c'est votre sauve-garde.

La popularité n'est pas toujours un rempart pour le prince, par la raison qu'il n'y a rien de plus inconstant ni de plus ingrat que la multitude. A la popularité, cette vertu des magistrats démagogues, qui souvent en ont été les premières victimes, préférez ces attentions, ces prévenances dont j'ai toujours été prodigue envers, non pas mes courtisans, mais les officiers de mes troupes, qui m'ont bien et fidèlement servi. Après le talent de faire un bon emploi des hommes, il en est un non moins recommandable, c'est celui de distribuer avec grâce les faveurs et les récompenses: on s'attache les hommes dont on a besoin, par ces petits détails que je n'ai jamais cru au-dessous de moi. Une ligne écrite de votre main, peut faire des prodiges dans de certaines circonstances. Ne négligez point ces petites ressources; c'est l'un des secrets de l'art de régner. Un rouble donné à propos aux soldats, un mot adressé à leur général, m'ont valu plusieurs fois des victoires. Les hommes sont ainsi faits; il faut savoir tirer parti de leur vanité ou de leurs besoins.

Mais que vos troupes soient le principal objet de vos pré-dilections. De temps immémorial, rien ne se fait plus sur ce globe que par la force: nous ne regnons que par nos soldats. De tous les gouvernemens, le régime militaire est le plus certain. Avant tout, faites-vous aimer de vos troupes.

Le peuple n'est rien; le soldat est tout. Soyez-en le père; mais préservez à jamais votre vaste empire de ces confédérations armées, qui ont conduit la Pologne à l'impuissance de se gouverner elle-même, et de former un corps d'état dans l'Europe. Sévissez avec non moins de rigueur et de prudence contre les premiers symptômes de ces autres confédérations non armées, qu'on appelle *clubs* en Angleterre, et qui, sous le nom de *sociétés* ou *cercles patriotiques*, ont attiré sur la France ce déluge de crimes et de calamités, dont elle ne pourra se relever qu'en tendant la main à un roi. Faites plus, rompez sans ménagement avec toute autre puissance voisine qui en toléreroit chez elle, et qui, à la faveur des relations commerciales, viendrait inoculer aux Russes le mal français. Il vaut mieux que vous comptiez un allié de moins; il vaut mieux que vous ayez un ennemi de plus au dehors de votre empire que dans son sein. Il n'y a pas à balancer, si vous avez à coeur le calme de vos sujets et leur prospérité. Un

club, mon fils, n'est pas même la boîte de Pandore; c'est bien pis: l'espérance du moins étoit au fond de celle-ci. Une société populaire déverseroit sur tous vos états tous les maux politiques, et vous enlèveroit la ressource d'y porter remède. Tout un peuple mal instruit, abandonné à lui-même, est l'auteur de sa propre ruine, et cause celle de tout ce qui l'entoure. Le mal est bien plus grand, et fait des progrès bien plus rapides, quand ce même peuple, rassemblé tous les soirs pour dire son avis sur la conduite de ses gouvernans, est électrisé par des mains invisibles et machinatrices de révolutions. On ne peut calculer les excès où toutes ces têtes volcanisées peuvent se porter.

Fermez donc vos ports à tout vaisseau de guerre ou de commerce, venant d'une contrée assez mal gouvernée, pour souffrir dans son sein des rassemblemens politiques. Les chefs de ces confédérations ne peuvent qu'avoir de sinistres intentions. Du moment que les hommes en société ont donné leur confiance à des souverains, cette confiance doit être entière. Vos sujets doivent payer, et dormir tranquilles: vous veillez pour eux. L'équipage d'un vaisseau boit et se divertit sur la foi du pilote: le pilote ne doit point souffrir qu'aucune main profane touche au gouvernail. La manoeuvre doit être dirigée par un seul. Le monde physique n'a une marche réglée, ses oscillations même ne tournent à son avantage, que parce que la suprême Providence lui a donné la première impulsion et le conserve, sans permettre aus foibles mortels de lui adresser des avis. Il en est de même d'un vaste empire comme le vôtre: jetez à fond de cale ou à la mer tous ceux qui portent un oeil téméraire sur votre administration, et oseroient vouloir rompre cette unité d'action, de force et d'autorité, qui a fait jusqu'à ce jour la splendeur de la Russie. Mon fils, vous gouvernerez toujours d'après les loix de la justice; mais vous ne souffrirez jamais qu'aucune corporation patriotique ou autre, vous dicte des loix. Faites coudre la bouche au premier de vos sujets qui ne craindroit pas d'élever une voix téméraire, et de porter un oeil curieux sur le cabinet de Pétersbourg: l'impénétrabilité est la sauve-garde d'un bon gouvernement, et la nation russe s'en est bien trouvée.

Soyez irrémissible; point de grâce aux clubs, pas plus qu'aux forfaits! Exercez la justice dans toute sa sévérité; la justice est le premier joyau de la couronne des rois. Prévenez le crime, s'il vous est possible; punissez-le du moins sans délai: que le châtiement, d'un bout de vos états à l'autre, talonne le crime. Dans les républiques, les magistrats démagogues sauvent le coupable, dans la crainte d'être eux-mêmes les premiers compromis dans les révélations de l'accusé: voilà pourquoi toutes ces démocraties dont on nous parle, anciennes ou modernes, car je ne mets presque aucune différence entr'elles, ont dégénéré bientôt en cavernes de brigands. Les scélérats heureux doivent nécessairement montrer de l'indulgence à leurs semblables moins adroits. L'impunité

est un devoir pour eux; elle n'est un scandale affligeant que pour la foule des citoyens honnêtes, mais sans énergie, qui, pour avoir la paix domestique, obéissent à des tyrans qu'ils méprisent ou qu'ils abhorrent. Mon fils, soyez grand justicier. Qui, soyez le génie du mal pour les méchants, le génie du bien pour les bons. Prévoyez les besoins de vos peuples; le soupir d'un infortuné, une larme de la mère de famille dans la misère, vout grossir dans le ciel la foudre sur la tête du souverain. Faites donc que sur toute la face de votre empire, on ne puisse rencontrer un malheureux. Purgez le sol où vous réglez, de la mendicité, cette plaie honteuse des états: qu'il soient en cela, comme sur tout le reste, en parfait contraste avec le sol de ces républiques, où le voyageur, à chaque pas, est importuné ou attendri par le spectacle de l'indigence, sous les loix de l'égalité. Ces vils magistrats du peuple écrivent fastueusement le mot *égalité* en tête de leurs décrets, et il n'y a pas de pays où il se fasse des fortunes plus monstrueuses, plus révoltantes. Des familles sans nombre perdent leur antique patrimoine, au nom de la sainte propriété. La nation la plus nombreuse de l'Europe, et qui en fut la plus éclairée, s'épuise, et consent à mendier, pour subvenir au faste, à la lubricité, à la rapacité d'une poignée de parvenus, qui n'ont d'autre talent que l'intrigue et l'impudeur. Mon fils, il semble que l'Être suprême permette ces attentats, pour faire ouvrir les yeux aux peuples, et les mettre à même de juger entre là démagogie et l'autorité légitime. Ces magistrats inhabiles ne voient donc pas que le parallèle ne peut tourner à leur avantage. Ce n'est pas en faisant exécuter leur nouveau régime, qu'ils parviendront à détacher les coeurs du gouvernement paternel de la monarchie. Laissons-les faire, mon fils; continuons d'être plus sages qu'eux, et plus prévoyans sur les besoins de nos peuples.

Surveillez le clergé, cette autre corporation, moins dangereuse que les clubs, mais qui ne respire qu'ambition. Mon fils, le gouvernement d'un empire, je vous le répète; doit être calqué sur celui du monde. La nature se sert des plus viles matières, des agens les plus dangereux, pour arriver à ses fins. Vous ne pouvez vous passer de prêtres ni d'espions; mais tenez-les dans votre étroite dépendance: usez de ces instrumens avec précaution. payez-les bien, ils vous seront dévoués.

Ne craignez point d'être taxé d'égoïsme et d'ingratitude. C'est un principe reçu dans les monarchies comme dans les républiques: les citoyens doivent tout faire pour le prince et la patrie; mais la patrie et le prince ne leur doivent rien: on travaille pour soi, en travaillant pour son pays. La raison d'état doit faire taire, dans le coeur d'un monarque, le souvenir des services qu'on lui a rendus, si ces services, par la suite, cessent d'être utiles. Le salut public avant tout, et par-dessus tout. La reconnaissance est une vertu, sans doute, mais qu'il faut subordonner au grand intérêt général. A la hauteur où nous sommes placés, mon fils, nous ne

devons avoir égard qu'à l'ensemble; et c'est encore ici le cas de se modeler sur la nature, qui semble abandonner à eux-mêmes les êtres dont elle n'a plus besoin. Familiarisez-vous, mon fils, avec ces conceptions fortes, ces vastes aperçus, qui seuls préservent les grands états et leurs chefs, d'une ruine prochaine ou d'une chute honteuse.

Le sang-froid, dans les grandes crises politiques, est le caractère d'un prince qui a du génie, et qui, placé au-dessus des événemens, comme il l'est au-dessus du reste des hommes, semble inaccessible à toutes les commotions, et paroît commander lui-même aux tempêtes, qu'elles soient son ouvrage ou non. Mais outre que le sang-froid en impose, il donne aussi l'avantage de pouvoir délibérer et de prendre une détermination. Je lui dois l'existence et l'empire. C'est le sang-froid qui fait les héros: Charles XII, qui n'en étoit point susceptible, est inscrit dans le temple de la gloire, au-dessous de Pierre-le-Grand.

Je vous ai dit que le soldat est tout pour un gouvernement; j'aurois dû vous ajouter aussitôt, mais sans argent, point de soldats. C'est le défaut d'argent qui fut tout à la fois la cause et l'occasion de la longue éclipse de la monarchie en France, comme en Angleterre sous Charles Ier: c'est le défaut d'argent qui de même fera avorter dans son berceau la prétendue république française. Le grand Frédéric connoissoit toute la force de cet agent universel en politique. Le roi de Prusse actuel est loin de penser autrement. Appliquez-vous donc à mettre vos finances sur un pied respectable: je leur donnai tous mes soins; mais que ce soit toujours avec grandeur; et soyez plutôt prodigue, que d'écouter les conseils d'une économie mesquine et à courte vue: masquez-la du moins sous l'appareil d'un luxe asiatique. La parcimonie, la simplicité ne siéent qu'à une république de pasteurs, tels que les Suisses. Un faste, sagement ordonné, convient à un trône élevé sur plusieurs nations à la fois. Ne soyez pas moins habile que les prêtres; ils n'attirent la foule autour de leurs autels, que par la pompe des décorations, et l'éclat de leurs ornemens sacerdotaux. Il faut de même, et avec plus de raison, que la couronne impériale ressemble aux rayons du soleil; que les Russes ne puissent la fixer sans baisser les yeux! D'ailleurs, le luxe est le père nourricier du commerce et de l'industrie; il occupe beaucoup de bras; il rend la foule des artisans dépendante de la cour, qui ne la laisse point oisive. Procurer du travail à la classe ouvrière, est un bienfait pour elle. En France, l'une des choses qui s'opposent le plus puissamment à l'affermissement de la république naissante, c'est que le nouveau régime ne peut soutenir la concurrence avec l'ancien, quant aux occasions de faire vivre le menu peuple, en le faisant travailler. On regrette ce temps heureux, cet âge d'or de la France, ou, malgré sa grande population, il y avoit à peine assez de bras pour fournir aux caprices bienfaiteurs du luxe de la cour et des grandes villes. Le luxe seul alimentoit

Paris et Lyon. Le peuple en France fut beaucoup plus sensible à la chute du luxe qu'à la fondation de la liberté. Soutenez donc le luxe; un grand empire ne peut s'en passer, celui de Russie moins que tout autre. Placés à l'extrémité de l'Europe, sans le luxe nous passerions pour des barbares. Les envoyés des cours, stupéfaits de la magnificence du palais impérial, s'en retournèrent, emportant avec eux la plus haute idée du cabinet de Pétersbourg. Le faste du trône ne contribua pas peu à lui mériter la plus haute considération. Marie-Thérèse fut jalouse de Catherine; et le grand Frédéric brigua mon alliance. Des spectacles et des fêtes couvrent de bien honteuses nudités. Déployez donc, mon fils, de la munificence en tout, principalement quand il s'agit de rendre l'hospitalité à des princes qui, dans leurs jours prospères, n'ont rien épargné quant aux honneurs que vous avez reçus d'eux pendant vos voyages.

Cet appareil d'une cour brillante, fera ressortir davantage votre amour sévère pour la justice: car, mon fils, vous serez de mon sentiment: la législation criminelle de l'impératrice Elisabeth ne vous en imposera pas. Il est beau de promettre comme elle, de ne condamner personne à mort pendant tout un règne: mais ce vœu si respectable, si digne des âmes sensibles, est-il politique, est-il même praticable? Hélas! mon fils, il est prématuré: long-temps encore il nous faudra gouverner les peuples avec une verge de fer.* La balance ne suffit plus à Themis: pour contenir les coupables par la terreur et le châtement, il faut armer sa main d'une hache vengeresse et répressive. La peine de mort, plus souvent appliquée, eût prévenu bien des massacres.

Sans renoncer à ce puissant coercitif, il est en votre pouvoir mille moyens d'aller au-devant des crimes, et de vous mettre dans l'heureuse impuissance de punir. Employez toutes vos ressources, et elles sont immenses, à hâter les progrès de la civilisation. Je vous laisse quantité de beaux établissements, fondés dans cet esprit: multipliez-les encore. Aux forfaits atroces de l'homme sauvage, faites succéder les défauts aimables du citoyen... etc.

(Le reste manque).

* «Si votre devise est une abeille, vous avez une terrible ruche» (lettre de Voltaire à l'impératrice Catherine II).